«Сага» — божественная комедия,
мыльная Гранд-опера, французский суперроман.

«Афиша»

Тонино Бенаквиста

САГА

Роман

Тонино Бенаквиста
Сага

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118527
Сага: Роман / Пер. с фр. Л. Ефимова.: Азбука, Азбука-Аттикус; Москва; 2013
ISBN 978-5-389-05459-2

Аннотация

Два капитана, три товарища, четыре мушкетера… нет, не так. Четыре безработных сценариста подрядились работать на французский телеканал, которому срочно потребовался недорогой отечественный сериал. Писать можно все что угодно, фильм покажут глубокой ночью и смотреть это все равно никто не будет. Никаких натурных съемок, минимум декораций и не более шести персонажей на серию.

Так начинается знаменитый роман-бестселлер французского писателя Тонино Бенаквисты «Сага». Сценаристы на скорую руку придумывают долгоиграющий сюжет: две семьи на одной лестничной площадке. Интересы у авторов полярные: детектив, фантастика, романтическая любовь. Они стараются изо всех сил, но даже в бредовом сне им не могло привидеться, что их сериал «Сага» побьет все рекорды популярности, а у героев возникнут совсем другие проблемы.

Содержание

Команда 5
Луи 5
Матильда 11
Жером 14
Я 17
Сага 22
Сцена 12 32
Сцена 17 37
Сцена 38 47
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Тонино Бенаквист
Сага

Кое-что позаимствовано у Граучо, Бергмана, Шеффера, Превера и некоторых других.

Но в первую очередь я должен воздать должное Сезару, моему отцу.

Благодарю также Даниеля, Жан-Филиппа, Франсиса и Фредерика.

SAGA
Tonino Benacquista

© Editions GALLIMARD, 1997

Перевод с французского Леонида Ефимова
Оформление Вадима Пожидаева

© Л. Ефимов, перевод, 2007
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013 Издательство АЗБУКА®

Команда

Он писал свои сериалы, по мере того как их выпускали в эфир; я заметил, что на каждую серию у него уходило всего в два раза больше времени, чем на ее показ, – то есть час.

– Гинеколог, – сказал он, – сейчас принимает тройню у своей племянницы. Один из этих головастиков застрял. Можете подождать меня пять минут? Сделаю малышке кесарево, и выпьем с вами вербены с мятой.

Марио Варгас Льоса. «Тетушка Хулия и писака»

Литература – роскошь.

Вымысел – необходимость.

Г. К. Честертон

Луи

Она лежала на паркете – окровавленный лоб, левая рука за шторой.

– Ваши ноги в кадре, – сказал тип из отдела опознания.

Старший инспектор отступил на шаг. Тот сделал несколько общих планов тела.

– Когда это произошло?

– Можно тут кофе сварить?

– Сосед услышал шум часов около семи утра.

– Тело забрать можно?

– Убийца не ожидал, что она дома. Это застало его врасплох.

Второй инспектор, помоложе, сунул нос в свой блокнот, бросил взгляд на коллегу и поспешил высказать гипотезу, пока ее не украли:

– Похоже на работу взломщика. Орудует, видимо, только во время отпусков и делает в штаны, если что не так.

– Во всяком случае, ключи от квартиры у него были. Какое-то время он тут копался, переворошил все, что мог, и это разбудило жертву. Она встала, пошла взглянуть, что происходит, и оказалась в гостиной.

Странный балет вокруг тела Лизы достиг кульминации, со всех сторон летели обрывки фраз, изредка натыкаясь друг на друга.

– Он запаниковал, схватил пепельницу с каминной полки и ударил ее по голове два раза.

– Чтобы так врезать, надо чертовски сдрейфить.

– Выяснили, что он украл?

Молодой сыщик показал на инкрустированную перламутром шкатулку.

– То, что здесь было, наверняка драгоценности. Больше вроде ничего.

– А семья?

– Детей нет. Жила с мужем, он сейчас в Барселоне, вечером вернется.

– Тело забрать можно?

– У консьержки и прислуги есть дубликаты ключей.

– Вызовите их ко мне. И соседа тоже.

Носилки вынесли в коридор. Едва тело убрали, комната, как это обычно бывает, почти сразу же опустела. Старший инспектор застегнул молнию своей куртки, его коллега в последний раз выглянул в окно.

В комнате наконец воцарилась тишина.

Было уже около одиннадцати, и оба обменялись парой слов насчет обеда и нынешнего августа, похожего на октябрь. Им надо было сначала заглянуть в комиссариат, и тот, что помоложе, Дидье, предложил ехать не по Большим бульварам, а по улице Прованс.

– Никто бы не хотел такого конца, как вы описали…

Оба сыщика, уже в коридоре, одновременно обернулись.

– Никто бы не хотел такого конца, как вы описали.

В комнате, которую они едва успели покинуть, между забитым доверху книжным шкафом и дверью в соседний кабинет сидел на стуле Луи. Благодаря странной неподвижности и костюму того же оттенка, что и старая хозяйская мебель, ему, как хамелеону, удалось совершенно слиться с обстановкой. Он не счел нужным встать и остался невозмутим, как умел делать в решающие моменты.

Дидье почувствовал досаду, что проморгал в комнате постороннего.

– Давно вы тут?

– Добрых полчаса. Зашел по случаю, меня никто тут не заметил. Я редко привлекаю внимание.

– Что вы тут делаете?

– Я почти родственник. Был женат на ней еще два года назад. Она со мной развелась, чтобы выйти за известного актера. Сам-то я никогда бы не смог поселить ее в таком месте.

– Как вас зовут?

– Луи Станик.

Не сводя с Луи глаз, старший инспектор в раздражении снял свою куртку.

– Так вы зашли «по случаю»?

– У меня была деловая встреча в двух шагах отсюда. Я знал, что ее мужа дома нет: прочитал в газете, что он сейчас в Испании. А поскольку я оказался тут по случаю, она, быть может, меня бы впустила.

Старший инспектор никак не мог решить, что его больше всего выводит из себя: невероятная естественность Луи или его способность не обращать внимания на всю странность ситуации.

– У вас есть ключи?

– Нет. Но зато есть алиби на сегодняшнее утро.

– Мы не в американском телефильме.

Луи недавно стукнуло пятьдесят. Прямые усы и густые брови придавали ему серьезный вид, которому с лукавым удовольствием противоречили светлые глаза. Он встал, разом распрямив свое длинное, узловатое тело, и хрустнул пальцами. В его хорошо поставленном голосе таилось что-то печальное – где-то в самой глубине горла.

– В американском телефильме я бы уже давно рыдал. Предпочитаю пока с этим подождать.

– В самом деле… – сказал Дидье. – Похоже, вы восприняли это довольно… довольно спокойно.

Инспектор взглядом дал понять своему коллеге, что от подобных замечаний тот мог бы и воздержаться. Дидье и сам удивился тому, что ляпнул.

– Ошибаетесь. Мне вовсе не легко было видеть двери нараспашку и толпу посторонних вокруг ее тела. Но что сейчас меня удручает больше всего, так это ваша версия событий.

Инспектор набрал в грудь побольше воздуха, чтобы унять раздражение. В разговоре с Луи можно было только импровизировать, рискуя увязнуть по уши.

– И чем же вас не устраивает наша версия?

– Она правдоподобна, но не слишком реалистична. Допустима, но ей не хватает чуточку реализма. Нет, никто бы не захотел такого конца.

– Если хотите нам что-нибудь сообщить, сейчас самое время.

– Кто бы захотел умереть от удара пепельницей по голове, наткнувшись на жулика, который смоется с украденными драгоценностями?

– При нашем ремесле сталкиваешься и с более нелепыми смертями.

– А при моем – нет. Вы всерьез держитесь за эту историю с драгоценностями в перламутровой шкатулке?

– Быть может, нам это подтвердит ее муж или прислуга.

Луи чуть было не сказал, что прислуга ничего не сообщит ему о Лизе, а муж и того меньше.

– Лиза терпеть не могла драгоценности. Что было удачно, поскольку за десять лет брака я так и не смог подарить ей ни одной. Она даже свое обручальное кольцо потеряла во время свадебного путешествия.

– ?..

– А вдруг в этой шкатулке было что-то другое? Что-то, чем она очень дорожила? То самое, за чем и явился убийца?

– Пока он для нас всего лишь вор, которому не хватило хладнокровия.

– Думаю, можно подыскать что-нибудь и получше.

Луи сказал это без малейшей иронии. Наоборот, в его словах сквозила серьезность, благонамеренность.

– Вы прожили с ней десять лет. Мы вас слушаем.

Солнечный луч падал прямо на кресло, высвечивая спинку. Луи уселся туда и сощурился на свету.

– Лиза всегда спала необычайно чутко. Никто бы не смог незаметно для нее переворошить всю квартиру. Он делал это на ее глазах. Ключей у него не было, она сама его впустила.

– Продолжайте.

– Этот тип рассудил так же, как я, явившись сегодня пораньше, поскольку знал наверняка, что ее муж в Испании. А в семь часов утра впускают к себе только кого-то близкого.

– Любовника?

– Почему бы и нет? Любовник – это как раз в ее духе. Два последних года нашего брака у нее была связь с этим актеришкой, за которого она в итоге и вышла.

– Что же любовник искал в этой шкатулке?

– Пока мы можем рассматривать лишь одну-две возможности. Быть может, еще и третью, но она более замысловата, следовательно, ею можно пренебречь. Представим себе, что любовник решил объявить ей о разрыве. Но Лиза ни о чем не подозревает. Она лишь хочет воспользоваться этим счастливым случаем, чтобы провести с ним целую ночь, не опасаясь неожиданного вторжения мужа. Но любовник, который даже не удосужился сделать ей этот прощальный подарок, приходит как можно позже, под самое утро, чтобы поставить ее перед уже свершившимся фактом. Он мог даже расщедриться на какую-нибудь фразу типа: «Мне бы очень хотелось продолжить нашу связь, но я был тебе всего лишь любовником». Дело в том, что он пока не совсем свободен. И ему надо забрать свои письма.

– Какие письма?

– Ужасно романтичные письма, которые он писал ей во время их идиллии. Она это обожала, ей подобные доказательства всегда требовались, чтобы чувствовать себя любимой. В ее глазах они были гораздо выше драгоценностей! Уж я-то знаю, о чем говорю, благодаря таким письмам я ее и покорил. В те времена я неплохо владел пером.

– Кто, по-вашему, мог быть этим любовником?

– Понятия не имею, но он женат. Это непременное условие. Она бы никогда не заинтересовалась юным воздыхателем, который донимал бы ее требованиями о разводе. Ее возбуждали только двусмысленные ситуации, двойные измены. Когда она познакомилась со

своим актером, тот тоже был женат. К тому же на первого встречного она не кидалась, ей требовался такой, кто придавал бы ей блеска, вечно был на виду, как люди из шоу-бизнеса, понимаете?

– Более-менее.

Луи нравилось преподносить из ряда вон выходящее как само собой разумеющееся. Все дело в убедительности.

– Так что любовнику требовалось уничтожить письма любой ценой, поскольку Лиза ими наверняка бы воспользовалась. Перетряхивая все ящики подряд, он в конце концов натыкается на перламутровую шкатулку. Устранив опасность, но поддавшись ностальгии, он говорит ей что-то вроде: «А теперь, Лиза, остается самое трудное – забыть тебя, забыть даже о том, что ты существовала когда-то, превратить тебя в смутное воспоминание, а потом забыть и его». Пьянея от ярости, Лиза угрожает все рассказать его жене. Он паникует, она отвешивает ему пощечину, он хватает пепельницу и…

Молчание.

Сыщик какое-то время смотрел на перламутровую шкатулку, потом попросил Дидье принести из кухни остатки холодного кофе.

– Эта версия вас больше устраивает, господин Станик?

У самого-то инспектора никаких сомнений не было. Убийство явно приобретало совсем другой размах, а он всегда предпочитал преступления из ревности в среде богачей разборкам мелкой шпаны.

– Не знаю, – отозвался Луи. – Я бы очень хотел, чтобы тайна ее смерти прояснила наконец загадку ее рождения.

– Что вы имеете в виду?

Появился Дидье с кофейной гущей. Луи достал сигарету из пачки, инспектор стрельнул у него одну; оба переглянулись.

– Так вы не знали, что Лиза подкидыш?

Не дожидаясь приглашения, Дидье вытащил свой блокнот и перечитал данные, сообщенные из Центральной базы данных.

– В самом деле. Лиза Колет, найдена в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году в Кане, у ворот больницы. В двухлетнем возрасте.

– До шестнадцати лет была в приюте, – добавил Луи. – Ходили слухи, что у нее есть брат, но его так и не нашли.

– Похоже, вы осведомлены лучше всех.

– Хотя она была не слишком откровенной. Но из-за этой тайны я любил ее еще больше…

Сыщик, едва сдерживая нетерпение, попросил его продолжать.

– Представьте себе, что брат Лизы захотел связаться с ней.

– Из-за денег?

– Тогда бы он объявился гораздо раньше.

– Из сентиментальных побуждений?

– Это через сорок-то лет?

– Зачем тогда?

– По одной-единственной причине: ему требуется пересадка костного мозга.

– Простите?

– Попробуйте найти другую, сами убедитесь, что это единственно приемлемая. Ведь помочь ему могла только сестра.

– ?..

– Но такая сложная операция незаметно не проходит, да и Лиза не хочет возврата к прошлому, которое неожиданно обрушилось на нее. Она отказывается наотрез. Брат упор-

ствует, ведь речь идет о его жизни. Этим утром он использует свой последний шанс – приходит умолять ее. И она опять отказывается спасти его. Он знает, что обречен на смерть, но в одном уверен: эта шлюха его не переживет.

Словно алкоголик, любой ценой старающийся выглядеть трезвым, сыщик счел делом чести не показать, что удивлен подобными откровениями. Дидье стоял столбом, ожидая реакции своего начальника.

– Значит, она приговорила собственного брата?

– Это был единственный способ распрощаться с ним навсегда.

– Вы ее изображаете чудовищем.

– Только чудовища пробуждают страсти.

Инспектор уже начал жалеть о своей повседневной мелочовке. Особенно когда Луи добавил:

– Но, подумав хорошенько, хочу вам предложить кое-что еще лучше.

Как он и ожидал, сыщик воздел глаза к небу и стиснул кулаки. Луи остался невозмутим. Искренен.

– Валяйте. Пора с этим кончать!

– Инспектор, кто, по-вашему, способен прикончить чудовище?

– ?..

– Другое чудовище, – сказал Луи.

Дидье с трудом подавил вздох, прикинувшись, будто прочищает горло.

– Помните дело Андре Карлье?

Никакой реакции.

– Это военный преступник, за которым полиция гонялась по всему свету. Он исчез под Канном в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году. Его так и не нашли.

– Отродясь не слыхал!

– Однажды я случайно наткнулся в сумочке Лизы на старую газетную вырезку об этом деле. Это явно не совпадение. Она была дочерью Андре Карлье.

Инспектор даже не успел выразить удивление.

– Она думала, что он где-то далеко, может быть, умер, но призрак в конце концов вернулся. Зачем? Чтобы в последний раз взглянуть на свое милое дитя перед смертью? Чтобы шантажировать? Или, наоборот, завещать ей награбленные во время войны сокровища? Невозможно сказать наверняка. Сегодня утром она впустила к себе человека, которого никогда не видела и который бросил ее когда-то. После этой встречи, о которой мы никогда ничего не узнаем, Лиза погибает от удара по голове.

– Почему вы говорите, что мы никогда об этом не узнаем?

– А вы представьте себе, что за человек этот отец. Он ведь так и не искупил свое прошлое, он стар, затравлен и продержался столько лет лишь благодаря мечте о встрече с дочерью. Думаете, он выживет после сцены, которую они разыграли сегодня утром? В ближайшие дни обшарьте хорошенько берега Сены, вполне возможно, что вы найдете – тридцать лет спустя – тело этого негодяя.

Инспектор сидел, скрестив руки, с отсутствующим видом. Задумавшись. Дидье раскрыл свой блокнот и что-то записал.

Луи бросил взгляд на контур Лизиного тела, очерченный мелом на полу, и его глаза в первый раз затуманились. Быть может, он понял в этот миг, что уже никогда больше ее не увидит.

– Господин Станик, мне надо составить отчет. Все, что вы рассказали, будет зафиксировано.

– Не стоит, инспектор. Забудьте все, что я вам тут наболтал.

– Забыть?

Луи закрыл глаза, чтобы скрыть выступившие слезы, как оно всегда бывает.

– Вы были правы, инспектор. Лизу наверняка убили из-за драгоценностей.

– ?..

– Но при моем ремесле невозможно допустить, чтобы люди погибали так глупо. Особенно те, кого любил. Хочется придумать им какую-нибудь захватывающую смерть.

Луи медленно направился в спальню Лизы. Ошеломленные полицейские двинулись следом.

– Но… что же у вас за ремесло?

Помолчав немного, Луи опустился на колени перед кроватью.

– Я сценарист.

Он провел рукой по смятым простыням и уткнулся лицом в подушку.

Матильда

Любовь.

Любовь никогда не приносила Матильде денег. Или самую малость. Она служила ей двадцать лет, трудилась как портняжка, чтобы представить ее в наилучшем виде. Любовь была ее работой, она знала все ее уловки и ухищрения. Порой даже изобретала новые. Прежде чем открыться ей, любовь долго изводила ее своими капризами и каверзами. С утра до вечера, изо дня в день. К чему считать часы, если речь идет о любви? Разве сама любовь спит? Берет отпуск? Любовь всегда требует большего и первой ничего не дает. Но Матильда умела добывать сокровища ее потаенной нежности. Двадцать лет, проведенных в погоне за любовью, научили ее, что самопожертвование – источник животворный и неисчерпаемый.

Как бы там ни было, ни на что другое Матильда все равно не годилась. Виктор твердил ей это каждый день:

– Твой талант – дар небес. Ты только одно и умеешь, но зато, черт подери, бесподобно!

В конце концов она и сама поверила в этот образ великой жрицы любви, который ему так нравилось ей живописать. Колдунья, кудесница, повелительница сердец и страстей, хранительница огня – он никогда не боялся хватить через край, когда надо было подбодрить ее в работе. А она верила всему, что исходило из уст Виктора, – с их первой встречи.

Она тогда даже не пыталась избежать западни, таившейся в его взгляде. В тот же миг начисто забыла о своем дневнике, который писала за столиком бистро на Вогезской площади. А он, словно харизматичный проповедник, который сам ни во что не верит, сразу сумел окрутить ее наивную душу. И стал ее первым любовником, в тот же самый день. Ей тогда и восемнадцати не было. Но он бы не задержался в ее объятиях и до следующего вечера, если бы она с самого начала не проявила потрясающих способностей ко всему, что касалось любви. И к лучшему, и к худшему.

Десять лет счастья. Она за работой, он за кассой. Прямо как в песенке из «Трехгрошовой оперы». Он умел давать ей советы и доставлять все удобства, в которых она нуждалась, чтобы спокойно вкалывать. Порой он ее выгуливал, чтобы у нее немного проветрилось в голове и появился румянец на щеках. Ему довольно было проявить лишь чуточку внимания, чтобы никогда не говорить «я тебя люблю» той, которая только этого и ждала.

И все стало так обыденно, так уныло предсказуемо. Каждые три недели он наведывался к ней в комнатку на улице Мсье-ле-Пренс за плодами ее пахоты. Заодно брал и ее, минут на пять – она большего и не просила. Она могла любить его еще лет десять. Что и делала. Вопреки его женитьбе на первой встречной и двоих последовавших за этим детей. «Любовь – не семейное дело», – говаривал он. В конце концов она в это поверила. Ей было тридцать. Он превратил ее в старую любовницу, которой уже ничего не обещают.

Матильда стала работать с еще большим ожесточением. Чтобы забыть Виктора или одарить его еще больше – она и сама не смогла бы сказать наверняка. А его аппетиты все росли, и он порой требовал чего-нибудь поострее.

– Поострее?.. Что ты имеешь в виду?

– Побольше эротических фантазий, пыла, черт побери! Не сдерживай сучку, которая в тебе сидит!

В сорок лет Матильда приняла все. Пожертвовав своей юностью и детьми, которых у нее никогда не будет. И ради чего?

Ради любви?

– Мне жаль, малышка. Я так и не продал тысячный тираж «Забытой любовницы».

– Но, Виктор… Я же сделала все, как ты просил. Добавила эти главы об «Эрос-центре»…

– Знаю, знаю, ты старалась. Но перепихон читателей больше не интересует.

– Это из-за моего псевдонима. Кто захочет читать последний роман Клариссы Гранвиль? Следующий подпишу «Патти Пендлтон», она уже давно ничего не публиковала.

Патти Пендлтон. «Замирание сердца», «Чертог без любви», «Та, что ждет». По тридцать пять тысяч экземпляров каждый. Патти Пендлтон с ее ситуациями-перевертышами, с романтизмом, не признающим никаких законов, и коттеджами в Сассексе.

– Пятнадцать лет прошло, Матильда. Сегодня этим даже бумагу не окупишь.

– А Сара Руд? Все фанаты ждут продолжения приключений Дженис!

«Дженис и Дама червей», «Дженис идет на войну», «Дженис и ее сестра», «Наследство Дженис». И еще столько других.

– И что ты родишь на этот раз? «Дженис в Интернете»? «Дженис теряет вставную челюсть»? Всем плевать на эту дуру.

– Возобновлю серию «Экстаз».

«Адские грезы», «Экзотическая дрожь», «Андреа-дикарка», «Оазис наслаждений» и так далее.

Виктор, сидя за ее письменным столом, гнусно осклабился и достал книгу со стеллажа, закрывающего всю стену.

– Ты? О сексе? Хочешь, зачитаю из «Греховодницы» любой отрывок наугад?.. «Эдвина почувствовала, как ее воля дрогнула под опытной рукой Давида. Она знала, что отдастся ему рано или поздно, и этот час пробил. Она опустилась на колени перед своим любовником и потянулась губами к его жезлу». Жезлу! Надо быть шестидесятилетней старухой, чтобы уразуметь, что это такое! Проклятье! Всем плевать на твои старомодные изыски! Хуже всего, что тебя даже нельзя за это винить. Как ты можешь надеяться, что кто-то поверит в твои дурацкие «Экстазы», если сама знаешь всего две позиции, да и то вторая у тебя только для праздников?

– Тяжело говорить это, Матильда, но я вынужден вернуть тебе твою последнюю рукопись.

– Что ты такое говоришь?

– Я не стану это публиковать.

– ?..

– Если не увеличу оборот, придется продать часть лавочки. А я слишком долго дрался за нее, чтобы делить с посторонними.

Мертвенно-бледная, задыхающаяся Матильда склонилась над столом и вцепилась в руку Виктора.

– Издательство «Феникс» – это же мы вдвоем… Уже двадцать лет… Мы ведь его вместе создали, это издательство… Ты им руководишь, но первые-то книжки написала я, без задатка, без всякого договора… Да у меня и сейчас его нет… Мы ведь всегда работали на доверии… Всегда были одной командой, верно?

Она ждала, что он улыбнется в ответ на ее улыбку. Но он даже не смотрел ей в глаза. Наверняка из-за неловкости. Или отвращения, которое она ему внушала.

– Вот, забери свой текст. Завтра рассчитаюсь за «Забытую любовницу».

Она вскинула похолодевшую руку ко лбу. Жестом, достойным «Дженис», изысканным и патетичным, в духе принесенных в жертву любовниц.

– Я должен дать шанс и другим авторам, как тебе когда-то. Они пишут современнее, больше отвечают запросам публики. В последние годы ты слишком много работала, малышка. Сделай передышку. Попробуй некоторое время заняться чем-нибудь другим.

Она схватилась за спинку кресла, чтобы не потерять равновесие. Никогда еще она не была так похожа на собственных героинь, прекрасных и беззащитных.

– Я больше ничего не умею…

– Тебе будет трудно пристроить свою писанину, Матильда. Я не знаю тут ни одного издателя, который бы ее взял.

Уж лучше бы он ударил ее кулаком. До крови.

– На что же мне жить?..

– Пиши для бабских журналов, какую-нибудь ерунду для телевидения – дело нехитрое. Или замуж выходи. В твоем возрасте это еще вполне возможно. Почему любовь должна быть для всех, кроме тебя?

Жером

Детфайтер[1] склоняется к монаху в оранжевом облачении, который молится перед гигантским Буддой. Звучит апокалипсическая музыка. Стены храма сотрясаются от взрыва, земля уходит из-под ног.

– Слышь, чувак, а левитации долго учиться?

Какой-то голубоватый дымок вихрем кружится вокруг Будды, поднимающего веки. Тут возникает лицо Джиндзо.

Не веря своим глазам, Детфайтер тащит монаха прочь, пока на них не обрушивается последняя стена. Они выбегают из храма и оказываются прямо посреди Лос-Анджелеса.

Вновь обретя человеческий облик, Джиндзо скрывается в небоскребе. Бешеная погоня по этажам, рукопашная схватка, Детфайтер прыгает в пустоту вместе с Джиндзо и цепляется за стрелу подъемного крана. Тут рабочие взрывают небоскреб динамитом. Джиндзо исчезает под обломками. Подтянувшись словно кошка, Детфайтер смотрит с высоты подъемного крана, как на Лос-Анджелес опускается ночь.

Финальная музыка.

Титры.

Сидевшие в зале возбужденные мальчишки уже повскакали с мест. Остальная публика дождалась окончания титров и, рассеявшись в полумраке, двинулась к выходу. Когда зажегся свет, посреди пустыни обезлюдевших кресел оставался только Жером. Он встал, белый как полотно, и поискал глазами, куда бы стравить. Видя, что он шатается, билетерша проводила его к туалету и вытянула несколько бумажных салфеток из автомата.

– Это с вами из-за кино?

– Наверное, на ура идет?

– Еще бы… Сталлоне и Шварценеггер в одном фильме… Двенадцатичасовой сеанс весь раскуплен, на следующий даже билетов не хватило. Заказы по телефону целую неделю не принимаем.

Жером сунул голову прямо под кран, словно желая протрезветь. Хотя уже больше трех недель не брал в рот ни капли. Он вытащил из кармана своего старого плаща номер «Французского кино». Из другого торчала какая-то закругленная синяя деревяшка. Билетерше наверняка и в голову бы не пришло, что это бумеранг.

– Тут пишут, что в Штатах он собрал больше, чем «Бэтмен». Знаете, сколько это принесло тому, кто придумал образ Детфайтера? Четыре миллиона долларов.

– Повезло, – сказала она.

Жером еле сдержался, чтобы не влепить ей затрещину. Сейчас он охотно врезал бы кому угодно, пусть даже этой ни в чем не повинной дурочке.

* * *

В кармане не осталось ни гроша. Чем ему кормить Тристана сегодня вечером, да и в последующие дни? «Французское кино» стоило тридцать девять франков. Просмотр «Детфайтера» на Больших бульварах – сорок. Надо было, конечно, попытаться проскользнуть

[1] Deathfighter *(англ.)* – можно перевести как «боец со смертью», «истребитель смерти», «смертеборец».

через запасной выход, но это оказалось сильнее его, и он прямиком устремился к кассе. Чтобы увидеть. Увидеть его.

До наступления сумерек он решил укрыться в Булонском лесу, как делал слишком часто в эти последние месяцы бездомья. Не доходя метров ста до озера, остановился на просторной, пустынной лужайке и достал свой бумеранг. Ветер был идеальный, дул как раз куда надо.

«Ну, бросай, старина, забудь этого подонка, ты еще не все потерял, у тебя остался Тристан и твой бумеранг, что такое, в конце концов, четыре миллиона долларов?»

С первого же броска метательный снаряд описал такую искусную параболу, что Жерому пришлось сделать всего пять шагов влево, чтобы поймать его на лету.

«Давай еще разок, не думай об этом ублюдке, только изведешься попусту, да и желчи сегодня вечером в тебе недостаточно, чтобы плюнуть ему в рожу. Ну, бросай!»

Бумеранг вместе с плащом были последним, что у него осталось от прежней жизни, о которой, как ему казалось, он никогда не жалел. Он смастерил его сам, в виде вопросительного знака, а Тристан покрасил в цвета американского флага. Маленькое сокровище, способное держаться в воздухе секунд тридцать. Вполне достаточно, чтобы вообразить, будто оно уже никогда не вернется назад.

«Еще! Бросай, пока рука не отвалится. Никто не остается безнаказанным. Мерзавцам в конце концов всегда приходится заплатить».

Уже размахнувшись, он вдруг ощутил что-то странное в глубине живота.

«Никто не остается безнаказанным».

Желудок будто прожгло кислотой.

«Никто не остается безнаказанным…»

Будто головней ворошили внутренности.

«Никто не остается безнаказанным».

Ожог был таким сильным, что Жером пожалел, что ему уже нечем блевать. Он потому и придумал своего *Мистера Мстителя,* что ему всегда была нестерпима мысль о безнаказанности. В конечном счете заплатить должны все. Это божественный закон.

И все же его раздирало ужасное сомнение:

«А если безнаказанность все-таки существует?»

* * *

Он присел ненадолго на Елисейских Полях, под навесом автобусной остановки. На другой стороне проспекта, на длинной террасе виднелись силуэты, чокающиеся шампанским. Рядом с ним сидела какая-то женщина, беспрестанно поглядывая на его драные теннисные туфли и вытертые добела джинсы. А Жером смотрел на силуэты в смокингах, сверкавшие словно светлячки.

Наконец огни наверху погасли. Жером перешел через проспект и встал перед зданием, к которому уже стекались грузовики поставщиков. Он подобрал пригласительный билет, валявшийся в водостоке, и прислонился к белой каменной стене у входа на станцию метро «Георг V».

КИНОСТУДИЯ
БЛЮ-СТАР ПИКЧЕРЗ
приглашает на презентацию фильма
«ДЕТФАЙТЕР»
Режиссер *Норман Ван Вуйс*

В главных ролях
Сильвестр Сталлоне
и
Арнольд Шварценеггер

Вышла первая кучка приглашенных. Их возглавлял Ивон Совегрэн – слегка захмелевший, со смокингом на плече. Кто-то предложил продолжить в другом месте, и Совегрэн с восторгом втиснулся на заднее сиденье «мерседеса», в который стали набиваться и остальные гуляки. Вдруг у входа в метро кто-то выкрикнул его имя. Совегрэн с первого же взгляда узнал Жерома и после секундного замешательства успокоил свое окружение небрежным жестом.

– Подождите минутку.

Он вылез из машины и быстрым шагом направился к Жерому, нашаривая бумажник.

– Вот вам, берите и проваливайте. Терпеть не могу недоразумений.

У ошарашенного Жерома в руке оказалась пятисотфранковая бумажка.

– «Мистер Мститель» принес вам четыре миллиона долларов! Я сам читал во «Французском кино»! Там целая полоса о сценарии, который целиком написал один француз и продал прямо в Голливуд! И этот сценарист – вы!

– Вы потеряете и то немногое, что у вас осталось.

– Два года! Я вам послал его два года назад, и вы заставляли меня его переделывать до тех пор, пока не получился сценарий как раз того фильма, который я видел сегодня утром! Вы всего лишь название сменили!

– В этом ремесле всех облапошивают хотя бы раз. Считайте это боевым крещением. Вам даже повезло. Наивность в нашем деле граничит с глупостью, а за глупость всегда надо расплачиваться. Что за дурацкая мысль – послать коллеге сценарий, даже не зарегистрировав свои авторские права?.. Я-то сделал это сразу же, как только его получил.

Рука Жерома нырнула в карман и вцепилась в бумеранг.

Он на секунду закрыл глаза и увидел в замедлении, словно на экране, как его орудие плашмя обрушивается на лицо Совегрэна. Изображение было четким: сплющенные от удара черты, струя гемоглобина, хлещущая из-под надбровной дуги, лопающаяся губа… И все в цвете, широким форматом. Этот жест избавил бы его от боли, но он все-таки удержался. Из-за Тристана.

– Я думал, на такое никто не способен.

– Добро пожаловать в клуб.

Совегрэн хотел было вернуться к своей компании, но Жером удержал его за руку.

– У меня брат не может ходить, я сам живу на улице…

– Министр культуры лично меня поздравил, – дескать, я показал американцам, что мы тоже можем писать, как они. Даже предложил представить доклад о сценарном кризисе во Франции. Так что не вздумайте мне угрожать.

Жером опять попытался его удержать, но на этот раз получил тыльной стороной ладони прямо по лицу.

– Американцы уже поговаривают о «Детфайтере-2». Мне вас будет чертовски не хватать, Жером.

Я

Кто из нас четверых робеет больше всех? Наверняка я, учитывая бессонную ночь, проведенную в ожидании этой встречи. Но не по себе явно всем. Мы неприязненно переглядываемся, сидя на поставленных друг против друга диванчиках, даже не пытаясь завязать знакомство.

У Матильды Пеллерен вид такой, будто она недоумевает, зачем вообще здесь оказалась. Временами выпрямляется, словно собираясь уйти, но по непонятной ей самой причине остается. Думаю, ситуация смущает ее чисто физически: навязчивое присутствие трех мужских тел в этом убогом помещении. Взгляды троих незнакомцев. Оценивающие.

Что тут удерживает Жерома Дюрьеца, понятно – бабки нужны. Некоторые умеют щеголять высокомерным презрением к собственной нищете, но Дюрьец не из таких, и его выдает малейший жест. Пожимая нам руки, он прятал свои манжеты, а потом, перед кофейным автоматом, делал вид, будто ищет мелочь в карманах. Когда я его угостил, он смаковал этот кофе так, будто не пил его уже давным-давно. Мне даже захотелось одолжить ему немного деньжат, только бы он малость расслабился, потому что его беспрестанные подсчеты уже начали действовать мне на нервы. Один Бог знает, где они его откопали.

Но больше всего меня интригует Луи Станик. Он единственный попытался внести немного непринужденности с помощью коротенькой речи, на манер декана перед началом занятий. Надо думать, преимущество возраста. Ему немного за пятьдесят, высокий, прямой как жердь. Из-за усов и очков в черепаховой оправе немного смахивает на актера Граучо Маркса. Он единственный из троих, упоминание о ком я обнаружил в профессиональных справочниках. В пяти строчках, уделенных ему в «Ларусс-синема», говорилось, что в семидесятых он много работал в Италии, но названия фильмов были мне совершенно незнакомы. Вернувшись во Францию, написал сценарий полнометражного фильма, который так и не вышел, потом кропал еще что-то, пока не очутился здесь, в этой странной конторе. Маловато для послужного списка, вполне может уместиться на листочке для самокрутки. Хотя в моем собственном не написана пока даже первая строчка, я поклялся себе не кончить карьеру так, как Луи Станик.

Никто не пытается нарушить молчание. Я встаю, чтобы выглянуть в коридор через окно. Мы в небольшом четырехэтажном доме на улице Турвиль, в седьмом округе. Комната, в которой мы находимся, абсолютно пуста, за исключением кофейного автомата и двух диванчиков. Прежние съемщики, наверное, смылись потихоньку, прихватив что могли. В перегородке большое окно мне по пояс, через которое видно все, что творится в коридоре. Но пока там происходит нечто совершенно непонятное. Может, это из-за усталости, нетерпения или стресса, но у меня впечатление, что там, на уровне моих бедер, бушует поток белокурых скальпов. Порой выныривает лоб, пара глаз или кепочка, но все это как-то смутно. Телефонный звонок нарушает тягостную тишину и снижает давление. Станик снимает трубку и через секунду кладет обратно, успев выслушать объявление секретарши, что наша встреча откладывается на два часа.

– И так уже битый час торчим тут впустую, – говорит Дюрьец.

Станик пожимает плечами в знак бессилия. Для него терпение уже давно стало постоянной работой.

– Вы не находите, что им на нас плевать? – спрашивает Матильда Пеллерен.

Так и подмывает ответить, что мне пока лишь двадцать пять и вся жизнь впереди, чтобы дождаться такой встречи. Она предпочитает встать и гордо удалиться, не пощадив нас в своем старомодном негодовании.

– Жаль, – говорит Станик. – От нее приятно пахло.

Жером Дюрьец остается на своем диванчике один.

– Можно, я чуток вздремну? А то бессонница совсем замучила…

– При нашем ремесле это почти удача. Располагайтесь, через полтора часа разбужу.

И пяти минут не прошло, как Дюрьец уже дрыхнет всем на загляденье.

– Только дети могут так засыпать.

– И еще китайцы, – говорю я. – В Пекине люди спят где угодно – за рулем велосипеда, в переполненных ресторанах, в автобусе.

– Часто там бывали?

– Никогда. Но мне рассказывали.

Из своего угла я могу наконец разобрать, что происходит в коридоре, благодаря застекленной двери, позволяющей видеть силуэты в полный рост. Но порой вид реальности запутывает ее еще больше.

– Господин Станик… вы не знаете, что там за карлики толпятся в коридоре?

– Ах, это… Там в самом конце коридора «Прима», агентство по набору актеров. Меня все это тоже заинтриговало, и я туда заглянул. У них там пробы для какого-то американского фильма, который частично снимается в Париже. Им требуется двести взрослых лилипутов. Желательно белокурых и двуязычных.

– О чем фильм?

– Они не смогли сказать точно, пока это называется «Ад кромешный». Там есть сцена с лилипутами и женщинами-великаншами – несколько десятков эдаких толстенных мамаш.

– Барокко…

– Когда дело касается символики, американцы никогда не боятся перебора. Это их сильная сторона.

Опять молчание.

Если директора студии придется прождать еще пару часов, лучше это время чем-то заполнить.

– Вам не кажется, что эта встреча напоминает ловушку для дураков?

– Позвольте, я угадаю, Марко. Вы раньше никогда не работали для телевидения, да и ни для чего другого, впрочем, так что не понимаете, зачем вас позвали на этот таинственный сериал, который выходит на экраны осенью.

– Нет, я на этом канале уже горбатился. Переписывал по-французски диалоги «Властелинов галактики», японского мультфильма. И еще сделал несколько синопсисов для «Двух сыщиков в аду». Но ни один не прошел.

Он спрашивает, заплатили ли мне. За мультик самую мелочь, а за остальное вообще ничего.

– Ну вот, потому вас и позвали. Они знают, что вы готовы согласиться на что угодно и за самую смехотворную сумму.

Наверняка он прав. А я вполне способен дать облапошить себя во второй раз. Неважно. Да, я, Марко, хочу стать сценаристом, это единственная цель моей жизни, и она, должно быть, легко читается на моей физиономии. Я душу готов продать тому, кто приоткроет мне дверь. Да, я готов глотать обиды, писать всякую дребедень, получать гроши, вообще ничего не получать. Мне это безразлично. Когда-нибудь они сами будут лизать мне руки, хотя еще и не знают об этом.

– А вы почему здесь, Луи?

Чувствую, что он колеблется между пустой отговоркой и потоком откровенности.

– Потому что я так называемый бывший. Предлагать себя для этой работы – просто мой способ побираться. Мое время давным-давно миновало, и сегодня я хватаюсь за что угодно без всякой горечи. Я как старая заезженная кляча, которую не отправляют на живодерню только потому, что она хорошо знает дорогу и мало ест. Впрочем, я ведь только это и умею.

– Что именно?

– Километрами закручивать сюжет.

Спящий беспробудным сном Дюрьец ворочается на своем диванчике. Коридор затопляет новая волна соломенно-желтых карликов, серьезных, как на папском богослужении, готовых показать себя во всей красе. Станик опускает в кофейный автомат пару франков и протягивает мне один из двух стаканчиков. По его словам, телевизионный канал делит это здание с «Примой», и еще на верхнем этаже есть монтажная. Вчера по телефону продюсер спросил, свободен ли я сейчас. Я так и не понял, зачем кому-то срочно понадобился.

– Послушайте, Марко, не будем отрицать очевидное. Если канал собирает в одной комнате молодого ретивого сценариста, готового работать задаром, писучку, промышляющую любовными романами, изнуренного бомжа и «бывшего» в летах вроде меня, значит у них наверняка где-то прокол.

Обычно я к циникам симпатии не испытываю. Особенно когда они выбирают своей мишенью простаков вроде меня. Но в его манере говорить на скользкие темы без всяких обиняков есть что-то привлекательное. Словно он уже хочет установить рабочую обстановку и заранее избавить наши будущие отношения от мишуры вранья. И окончательно похоронить любое яканье. Но все же простачок во мне хочет быть услышанным. С некоторой долей искренности я осмелился сказать, что не могу относиться к этой работе легкомысленно. Уважать придуманную историю – значит уважать тех, кому она предназначена, и самого себя. А сомнительная нравственность заказчиков тут дело десятое.

Весь следующий час я говорил о том, что родился перед телевизором. И это вовсе не голословное утверждение: первая картинка, что я по-настоящему помню, – это отнюдь не материнская грудь, а квадратная блестящая штуковина, которая неудержимо влекла меня к себе. Телик был моей нянькой, моей повседневной усладой, открытием мира, который разворачивался перед моим изумленным взором. Телик был приятелем, с которым никогда не ссоришься и у кого с утра до вечера полно отличных идей. Телик – это толпа героев, научивших меня восхищению. Мои первые восторги и разочарования. Я был из тех мальчишек, что внезапно взрослеют, всего лишь переключив канал. Я рассказал, как вечерами смотрел запретные для меня фильмы через приоткрытую дверь, подобно тому как сам Луи наверняка мог бы поведать о собственных ночных приключениях – с книжкой и фонариком под простыней. Наконец я сказал ему, что во имя всего этого, если мне выпал шанс попасть в Зазеркалье, я все сделаю, чтобы не предать мальчишку, предоставленного самому себе перед голубым экраном.

Луи Станик растерянно на меня посмотрел. Потом изобразил улыбку, предпочтя ее всем словам. Грусть по утраченному энтузиазму, подумал я.

Пора было будить Жерома Дюрьеца, которому я предложил кофе в обмен на одно из его сновидений.

– …Я был на горе – и вдруг передо мной появился говорящий огненный шар. Потом я спустился к толпе каких-то типов, на которых был зол, и стал забрасывать их камнями с нацарапанными приказами. Ситуация прямо высший класс. Там еще много чего было, но я забыл.

Поостыв и очень мило конфузясь, вернулась Матильда Пеллерен. Мы встретили ее, не выказав удивления и не задавая никаких вопросов о тайных причинах, побудивших ее – как и всех нас – согласиться на эту работу.

И правильно. Поскольку Андре Сегюре, директор, тоже не проявил к ним любопытства.

* * *

Сегюре был прямолинеен, тороплив и не имел ни малейшего желания томить нас пространными речами под дипломатическим соусом. Он вполне мог бы сказать, войдя в комнату, что каналу срочно требуется забойный сериал по разумной цене, и напомнить о его первоочередной задаче: понравиться зрителям. Вместо этого он заявил: «Сделайте нам что угодно, неважно что, главное, как можно дешевле».

Вначале я не поверил собственным ушам и даже услышал совершенно противоположное.

Матильда Пеллерен и Жером Дюрьец помалкивали. Только Луи Станику хватило духу откликнуться:

– А что именно вы понимаете под «что угодно»?

– Что угодно значит все, что взбредет вам в голову, поскольку этот сериал все равно не для того, чтобы его смотрели. Просто нам каждый день надо чем-то затыкать пятидесятидвухминутную дыру в вещательной сетке, между четырьмя и пятью часами утра.

– Вы… не могли бы повторить?

Сегюре удрученно проводит рукой по лбу.

– Квоты… Все из-за этого мудачества, из-за квот на обязательный показ отечественной продукции! Отечественная продукция… У меня от этих двух слов язык сводит. Кто, кроме вас, сценаристов, может на этом подзаработать, кого она вообще интересует, эта отечественная продукция?

Не знал, что в Высшей национальной школе администрации учат слову «мудачество».

– Мы только что купили дорогущий калифорнийский сериал – куча наград, девицы супер. Первая же минута рекламы в нем принесет нам триста тысяч франков, через месяц выпустим майки и все такое прочее. Мы оторвали права на трансляцию финала Кубка Европы по футболу, я пытаюсь сманить у конкурентов их звезду, телеведущего, так есть у меня, по-вашему, время заниматься отечественной продукцией?

Луи напускает на себя понимающий вид и спрашивает, соблюдались ли эти квоты раньше. Как и все дипломированные управленцы, Сегюре не любит прямых вопросов, особенно тех, идеальным ответом на которые было бы простое «нет».

– Мы с этим немного затянули, но на сей раз Высший совет по теле– и радиовещанию пригрозил нам санкциями, если мы не наверстаем восемьдесят часов, отпущенных на отечественную продукцию. И начать придется всего через три недели, иначе правительство не продлит каналу лицензию.

– Восемьдесят часов!

– Потому-то вас и четверо!

– Три недели до первого показа? Шутите?

– Начинайте прямо сегодня.

Вот она, ловушка для дураков.

Каждый, как может, выражает свое потрясение, кроме Станика, который продолжает гнуть свое и заявляет, что за срочность тоже надо платить. Несколько удивленный Сегюре сдерживает усмешку. Их там в высших школах этому нарочно учат.

– Послушайте-ка меня хорошенько, вы все четверо. Вас выбрали по двум причинам. Первая: в Париже только вы сейчас не заняты. Вторая: вы не можете претендовать больше чем на три тысячи франков за серию каждому.

– Простите?

Сегюре воздевает руки к небесам и высказывается напрямик:

– Да эту ерунду кто угодно может писать! Даже я, было бы время! Даже моя прислуга, если бы умела толком говорить по-французски. Хотите соглашайтесь, хотите нет. У этого сериала в наших глазах одно-единственное достоинство: он будет самым дешевым за всю историю отечественного телевидения!

– И что, по-вашему, мы сможем придумать за три недели при такой оплате, едва хватающей на кофе, без которого не продержаться?

– Сойдет что угодно. Напишите про какую-нибудь бесконечную склоку меж двумя соседскими семьями в дешевой многоэтажке, такое всегда нравится, вставьте туда одну-две слюнявые любовные истории, добавьте несколько людских драм – и дело в шляпе.

– Так нельзя начинать… Нам нужно какое-то место… должны же мы где-то собираться…

– Здесь.

– Здесь?

– И платить не надо, и все необходимое есть – пара диванов и кофеварка. Завтра пришлю вам компьютеры с принтером. Монтировать будем на последнем этаже. Актеров подберет «Прима». Чего вам еще?

Совершенно ошеломленная Матильда Пеллерен уже не осмеливается заикнуться о чем бы то ни было. Из опасений, что наймут других, более решительных и менее щепетильных, мы с Луи Стаником тоже решаем промолчать. Дюрьец рискует попросить маленький аванс-ик, но Сегюре об этом и слышать не хочет раньше, чем получит первые четыре серии.

– У меня на руках больной брат… Мне нужно немного денег на лекарства.

– Лекарства? Для больного брата? Я знаю, что ваше ремесло – выдумывать всякие истории, но вы не находите, что тут малость перегнули палку?

В первый раз я согласен с Сегюре. Дюрьец, конечно, имеет право попытать удачу, но позорить профессию ни к чему. Я бы придумал что-нибудь получше лекарств.

Сегюре глядит на свои часы, делает два телефонных звонка и собирается нас покинуть.

– Ах да, последнее, насчет названия. Мы подумывали насчет «Саги». Создает впечатление чего-то очень знакомого и что будет длиться годами. А нам ведь такое и надо, верно?

Сага

Я вылез из постели Шарлотты, заметив в окне что-то похожее на утро. Добрую часть ночи я любовался в потемках, как она спит, неспособный соскользнуть вместе с ней в забытье, которое вполне заслужил. Собственно, мне больше всего хотелось, чтобы поскорее наступило завтра, словно я сам должен им стать. Но и вчерашнее забывать не следовало. Вчера я встречался с тремя конкурентами, а сегодня меня ждет моя команда. Вчера я боялся остаться за бортом, сегодня отправляюсь в восьмидесятичасовое плавание, которое растянется не на один месяц.

В конце концов я оторвался от спины Шарлотты и начал грезить с открытыми глазами о грандиозной одиссее с уймой персонажей, сталкивающихся между собой в нескончаемых интригах. «Делайте что угодно! Делайте что угодно!»

А если мы вас поймаем на слове, шеф?

* * *

Жером Дюрьец и Луи Станик уже на месте и путаются в проводах наших четырех мониторов.

– По-моему, единственный способ их соединить – это воткнуть шнур А в разъем А’, а шнур Б в разъем Б’, – говорит Луи.

– Они нам подсунули старье, которое пылилось в кладовке. Отродясь не видел такого барахла. И еще хотят, чтобы мы на нем работали!

Несмотря на свое брюзжание, Жерому удается-таки подсоединить компьютеры друг к другу. Потарахтев немного, машины включаются, и на экранах возникают, приветствуя нас, какие-то прыткие человечки. Я слегка пробегаюсь пальцами по клавиатуре, чтобы подтвердить правоту Жерома насчет ветхости оборудования.

– Вы оба пресыщенные пижоны, – говорит Луи. – Не хочу показаться старым хрычом, но могу утверждать, что, если бы такие бесшумные орудия существовали в семидесятых, я бы сейчас, быть может, грел задницу на солнышке возле бассейна. Мою блестящую карьеру сгубил «Ундервуд»!

Мы с Жеромом скептически переглядываемся, но Луи уже понесло.

– В то время мне лучше всего работалось по ночам. Днем в голову ничего не приходило, я все тянул и тянул, мог до семи часов провозиться над какой-нибудь жалкой репликой. Зато с наступлением ночи зверь просыпался, и я начинал строчить на машинке как бешеный. Я тогда ютился по всяким углам, притонам и убогим меблирашкам, стены там были не толще папиросной бумаги. Стоило мне начать, как целое полчище здоровенных бугаев грозило мне башку проломить, если я немедленно не умолкну. Судьба любит прятаться за такими мелочами.

Тишина меня никогда особенно не заботила. Хотя сами сценаристы несут в этот мир шум и ярость, их работа начинается задолго до Большого взрыва, в полнейшей пустоте и покое.

– Когда я стал работать на Маэстро, проблема уладилась. У него свой отель под Римом, он там даже единственный постоялец. Мы могли любой тарарам устраивать, никто бы и слова не сказал.

Слово «Маэстро» действует как укол шилом пониже спины. Наверняка Луи этого и добивался. Он скрещивает руки и смотрит на нас с довольным видом. Мы с Жеромом переглядываемся. Маэстро, с большой буквы. Возникает некоторая неловкость. Луи готов сооб-

щить подробности, но никто из нас не осмеливается их спросить. Маэстро… Маэстро… Наверняка тут какое-то недоразумение. Есть только один Маэстро, которого уже никто не называет его собственным именем.

– Вы говорите о том самом Маэстро?

– О ком же еще.

– Из «Чинечитта»?

– А вы как думали, ребятки, я там был настоящим принцем!

Все ясно, Луи Станик работал с самим…

Не может быть! Маэстро уже десять лет ничего не снимает, и если бы он создал хотя бы один из своих фильмов с французским сценаристом, уж я бы точно об этом услышал или прочел в десятках трудов, посвященных одному из величайших гениев в истории кино.

Не может быть.

– Когда-нибудь я вам расскажу обо всем, что нас связывало. Но сейчас мы должны стронуть с места «Сагу».

Словно откликнувшись на призыв Луи, появляется Матильда, свежая и улыбающаяся, быть может, от радости видеть нас снова. Она все так же приятно пахнет, каким-то естественным запахом, который вполне может сойти за духи. Поздоровавшись, она достает кое-какие вещи, стопку бумаги, электрический чайник и какую-то несуразную лампу – поглотитель табачного дыма.

– Это ради вас. Я курю *сигарильос* – маленькие сигары.

Теперь, когда она избавилась наконец от своих страхов, мы видим ее такой, какая она есть на самом деле, – блондинка с милым лицом, с безупречным узлом волос на затылке, в красном хлопчатобумажном платьице в горошек, которое придает ей вид эдакой деревенской красотки. Вымыв руки в туалете, Жером уселся верхом перед компьютером, желая проверить его мозги. Мы все готовы и глядим на Луи, словно только он может дать гудок к отплытию.

– У меня на руках два листка с техническими требованиями к этой «Саге». Трудно вообразить себе что-нибудь более нелепое. Можете не читать, я вам подытожу в двух словах:

1. Никаких натурных съемок.

2. Действие каждой серии должно разворачиваться целиком и полностью в четырех декорациях, которые еще предстоит уточнить.

3. На весь сериал не больше десяти персонажей и не больше шести на серию.

4. Если вы соблюдаете первые три пункта, вам предоставляется полная сценарная свобода.

Матильда слегка улыбается, то ли смущенно, то ли иронично. Все это наверняка кажется ей странным. Восемьдесят серий, по шесть действующих лиц на каждую. Понятия не имею, чем их можно занять. Кроме матча по пинг-понгу, ничего в голову не приходит. Жером спрашивает, считается ли труп тоже действующим лицом.

– Не будем перегибать. Мертвеца они вполне могут взять из осветителей, – отвечает Луи.

Жером объясняет, что привык устраивать бойню в своих сценариях. Никак не может удержаться, чтобы не усеять их жмуриками, не говоря о парочке взрывов, чтобы увязать все в единое целое. Луи чуть насмешливо осведомляется, было ли по ним что-нибудь снято, и Жером вдруг сразу опускает глаза.

Повисает неловкость…

Не надо большого ума, чтобы догадаться: промашка вышла. Луи этим смущен даже больше Жерома, но как ни в чем не бывало продолжает:

– Тут нам придется довольствоваться всего одним трупом. При случае сможем добавить раненых, повязки и все такое, но большего нам Сегюре не позволит.

– В конце концов, какая разница, если это все равно никто не увидит, – отвечает Жером.

– Боюсь, что за четыре месяца ежедневного показа мы этих шестерых персонажей быстро исчерпаем, – замечаю я.

– Можно с ними поиграть в духе Беккета, – говорит Луи. – Два чудака сидят вокруг деревянного ящика и несут всякую бредятину по кругу, и время от времени кто-нибудь из них чистит зубы, чтобы добавить немого действия.

– Не вижу, что вас пугает, – говорит Матильда. – Дайте мне только пару в спальне, желательно мужчину и женщину, я вам одна пол-квоты покрою.

Сказано с такой самоуверенностью, что может быть только правдой.

Из живота Жерома доносится зловещее урчание. Он пытается заглушить его рукой.

– Расходы нам не возмещают и талоны в ресторан не дают, – уточняет Луи. – Но зато открыли кредит во «Флай пицце», достаточно только позвонить.

Жером тут же срывает трубку. А я вижу, как по коридору проходит странное создание, чудовищно странное, что-то среднее между красавицей и природным катаклизмом. Никто ее не заметил, так что я предпочитаю не тыкать пальцем, уверенный, что это галлюцинация. Вслед за ней проплывают еще две великанши. Вспоминаю про фильм с карликами.

– Эта «Сага» беспокоит меня больше, чем я ожидал, – говорит Луи. – Я уже тридцать лет ковыряюсь в нашем ремесле, но впервые меня просят сделать что угодно, то есть все, что мне взбредет в голову. Все, что я хочу. Такое, на минуточку, что-то да означает. Хотя еще сам не знаю, что именно – кошмар посредственности или запоздалую мечту.

– Учитывая, сколько они нам платят, я склонен думать, что к кошмару посредственности, – говорит Жером, высматривая доставщика пиццы в окошко.

– Мы об этом уже говорили, Луи, я еще не могу решиться писать дерьмо в моем возрасте.

– Ах, Марко, Марко, не рассчитывайте на эту идиотскую «Сагу», чтобы сделать себе имя!

– Быть может, она мне позволит жить своим ремеслом, пусть даже нищенски. Это уже счастье. Сегодня утром я проснулся как сценарист, ел как сценарист, у меня уже привычки и заботы как у сценариста, потому что с сегодняшнего утра я сценарист, черт подери!

Не знаю, что на меня нашло, чтобы ляпнуть такую глупость. Может, я и в этом повел себя как сценарист.

– В таком случае не будем терять ни минуты, живо за работу, – говорит Луи. – Этот день надо отметить белым камешком. Какое сегодня?

– Двадцать девятое сентября.

– Постараемся, чтобы двадцать девятое сентября осталось в Истории. В конце концов, История – отчасти наша работа.

* * *

Через два часа «Сага» все еще не зачата, но мы, ее родители, уже преодолели первую ступень любовного сближения перед решающим соитием. Сближения вкрадчивого, сплошь из пристальных, изучающих взглядов и неуверенных предложений, рискующих показаться смешными. Мы поступили как все – начали с банальностей и общих мест, чтобы отбросить их с дивным чувством, что нам это заповедано. Сперва мы все вчетвером заговорили о деньгах, насилии, а главное, о сексе. Насчет отправных тем не придумали ничего, но они, слава богу, приходят сами собой. Поскольку угождать никому не надо, нам остается удовольствие от собственных грез – последняя защита от скуки и дурного настроения. Если получаешь удовольствие, выдумывая кучу всякой чепухи, значит одним махом приобретаешь силы для долгой работы. Сразу же определилась тенденция: не отвергать ни одного предложения, каким бы вздорным оно ни казалось.

Неуверенно начав с дурацкого предложения Сегюре, мы перенесли действие в современный дом, где на лестничной площадке встречаются две семьи. Одна совершенно классическая: отец – управленец, мать неполный день занята в благотворительной организации, дочь-студентка изучает философию, а шестнадцатилетний сын – второгодник. Другая семья не такая типичная, скорее даже с приветом. Она вернулась во Францию недавно, проведя двадцать лет в Соединенных Штатах (идея Жерома). Отец – гитарист рок-группы – был популярен в шестидесятых, но все еще играет. Мать – секретарша в издательстве, выпускающем книги по искусству, двадцатипятилетний сынок хочет стать агентом Интерпола (как раз сдает экзамены), а его пятнадцатилетняя сестра – вундеркинд (наделена столь исключительным умом, что никто из родных не в силах ее понять. Идея Матильды, которую мы и не пытались оспаривать, пускай сама выкручивается). Все это было еще совершенно не окончательно, но представляло собой зыбкую основу для согласованных действий. Часов около трех мы для разрядки опять заказали пиццу, подбирая имена всем этим славным людям. Для заурядной семейки посыпались: Мартине, Портье, Тиссерон, Гарнье и прочая, прочая.

– Мне бы хотелось избежать всяких ксенофобских или религиозных намеков, но перегибать палку тоже не стоит. Можно найти и получше, – заявил Луи.

Я вспомнил своих соседей по лестничной площадке по фамилии Авуан, немного напоминающих это семейство. У них еще синий «сафран», никогда не превышающий тридцати километров в час. Оказалось, что Матильдиных зовут Дюран-Коше. У меня с моими Авуанами был бледный вид.

– А как вам фамилия Матиньон? – поинтересовался Жером. – Серж и Клодина Матиньон.

Все захотят узнать, во что вляпалась чета Матиньон.

– Ни в коем случае! – возражает Матильда. – Так зовут одного старичка, который поддерживает мою мать с тех пор, как отец нас покинул.

– Тоже Серж?

– Нет, не Серж, но все равно неудобно.

– У него бессонница? – спросил Жером.

– Нет, а что?

– Он завтракает в четыре утра?

– Нет.

– Его видеомагнитофон поражен проклятием и включается ночью сам собой?

Она пожимает плечами.

– Как же тогда ваш Матиньон увидит эту идиотскую «Сагу»? Он никогда ничего не узнает, наша драма как раз в этом. Вы можете выдать хоть его настоящее имя, хоть номер страховки, хоть нежные словечки, которые он лепечет после оргазма, – все, потому что он никогда не узнает о наших историях.

– Нам же сказали, Матильда, делаем все, что хотим!

– А я говорю: только не Матиньон.

– Френель вам подойдет? – предлагает Луи. – Кто-нибудь спускал с лестницы Сержа или Мари Френель? Резал, шантажировал? Ладно, тогда с этим покончено. Как назовем их американских соседей?

Жером предложил фамилию Каллахан, так звали Клинта Иствуда в «Грязном Гарри».

Чтобы угодить и ему, соглашаемся единогласно. Итак, мы имеем Уолтера и Джейн Каллахан, а также их деток – Джонаса и Милдред.

ФРЕНЕЛИ против КАЛЛАХАНОВ.

Пусть победит сильнейший!

– Вы сознаете, что нам придется жить с ними неделями?

– Мы не друзей себе выбираем, а семью.

* * *

Сами собой напрашиваются две декорации: гостиная Френелей и гостиная Каллаханов, большей экономии и представить себе невозможно. Остальные декорации нам пока ни к чему, сначала надо понять, куда нас ведут эти восемь субъектов. Дело проясняется с каждым часом. Матильда спросила нас, почему мы так хотим иметь уже готовые пары? Почему бы, наоборот, не вообразить пары, которые мы бы только хотели соединить, не показывая этого ясно с самого начала?

Так что Серж Френель, муж Мари, умирает, едва успев родиться. Второй раз замуж Мари так и не вышла, да и дети ее не торопятся обзавестись новым папочкой. На замену Сержу мы придумали Фредерика, Фреда, родного брата покойного. Он малость не в себе и живет у Мари с детьми, которые его приютили. Фред – изобретатель и довольно редко выходит из своей мастерской (только чтобы вытащить нас из некоторых тупиков). Изобретатель – это всегда нравится. Детки – Брюно (оболтус) и Камилла (студентка-философиня) – пока в зародыше.

Уолтер Каллахан становится отцом-одиночкой. У него двое детей от некоей Лоли, сбежавшей, родив второго ребенка. Она не подает никаких признаков жизни, неизвестно, где она и чем занимается; мы извлечем ее на свет в самый решительный момент. Луи очень настаивал на таинственном исчезновении бывшей миссис Каллахан, видимо, давние счеты с каким-то собственным демоном. Не знаю, насколько убедительной у нас получилась семья, при всем-то этом. А впрочем, ладно, чего там, все равно ни один родственник никогда не отождествит себя с нашими героями. Главное, чтобы одинокие сердца смогли встретиться. У Мари Френель и Уолтера Каллахана двадцать четыре часа на то, чтобы заметить ДРУГ друга.

Луи предложил немного попрактиковаться на первой серии, чтобы пальцы размять. Требовалось в нескольких строчках набросать ее канву и отобрать у каждого из нас несколько деталей. Главное – не забывать, что нам предоставлена полнейшая свобода, тем более в том, что касается метода. Учитывая судьбу этой «Саги», нам, наоборот, надо отбросить всякие закоснелые правила, поскольку все равно никто не пожалуется.

– Особо не напрягайтесь, – добавил Луи. – Пилотная серия нужна главным образом для того, чтобы ознакомить зрителя с героями и местом действия. Не забывайте, что за пятьдесят две минуты этой чепухи каждый из нас получит лишь пакетик орешков, так что незачем сочинять новых «Унесенных ветром». О’кей?

* * *

Мы внимательно прочитали, что у кого получилось. И это упражнение опять навеяло мне ощущения сродни любовным. Наконец-то скинувшие свои одежды любовники осмеливаются предстать друг перед другом такими, какие они есть. Они словно говорят: «Да, это я, и вот что мне нравится, даже если кому-то это может показаться непристойным или старомодным». На все это у нас ушло добрых два часа. Зато сразу же стал ясен стиль каждого, так что отныне мы знаем, из чего будет сооружена наша «Сага». И пока никакой несовместимости не наблюдается.

Мой синопсис выглядел примерно так:

> Мари Френель по уши в долгах. Ее семья скоро окажется на улице, если только она не решится уступить домогательствам кого-либо из мужчин, окружающих ее.

Один из них – ее новый сосед. Уолтер Каллахан запил после исчезновения своей жены Лоли и пока не нашел серьезного повода, чтобы завязать с выпивкой. Бывший когда-то анархистом и рок-музыкантом, теперь он утратил общий язык даже с собственными детьми: Джонас подался в полицию, а Милдред слишком уж умна. Брюно Френель, юный сосед по лестничной площадке, задира и непоседа, вот кто мог бы стать ему идеальным сыном, поэтому Уолтер Каллахан предлагает Мари Френель поменяться детьми ради общего блага. Так что Мари Френель вынуждена обратиться в «SOS, друзья», а ее дочь Камилла (студентка философского факультета) – к своему психоаналитику.

Но эти милые семейные заморочки не идут ни в какое сравнение с макиавеллиевскими замыслами Фреда, деверя Мари. Фред – непризнанный изобретатель, существо изломанное, страдающее от одиночества. Его электроуловитель эмоций никак не хочет исправно работать. Поэтому он пытается погубить окружающих его людей. Из мести? Из чистого безумия? Этого еще никто не знает. Он напичкал собственную квартиру и квартиру соседей камерами и микрофонами, чтобы следить за всем, что там происходит, перехватывать малейшую информацию. Ради удовлетворения своих низменных инстинктов?

Быть может, из всех четверых я самый зажатый, самый неуверенный в себе. Поэтому ухватился за тот способ повествования, который мне близок, стараясь получше сосредоточиться на завязке. Луи и Матильда обнаружили у меня «довольно чернушный взгляд, неожиданный для такого волевого молодого человека». Не знаю, что они понимают под «чернушным взглядом», для меня ничто не является чисто черным или чисто белым, меня привлекают только никак не окрашенные истории, где все размыто и неясно. Люблю компромиссы, двусмысленности, людей сложных, изменчивых, малодушных героев и рыцарственных трусов. Жерому понравилось, что Фред шпионит за своим окружением с помощью замысловатого оборудования, хотя Сегюре ни за что на это не раскошелится. Зато Луи полагает, что «SOS, друзья» и психоаналитик Камиллы смогут выручить нас, когда мы выдохнемся, и обойдутся недорого.

Ума не приложу, когда Жером успел родить свой текст. Он ни минуты не может усидеть на месте: то хватается за кусок остывшей пиццы, то подскакивает к кофейному автомату, то стреляет курево у ассистентов «Примы». А в те редкие моменты, когда лупит по клавишам, у меня создается впечатление, что это побоище в какой-то видеоигре.

Джонас Каллахан (полицейский, сын Уолтера) звонит в дверь Френелей, не спуская глаз с Брюно в наручниках, которого только что арестовал за кражу иконы в церкви. Мари Френель дома нет, за своего брата-правонарушителя вступается Камилла. Очарованный Джонас предлагает отпустить Брюно в обмен на ее поцелуй. Смущенная этим молодым психом-полицейским, Камилла его целует. В тот самый миг, когда она говорит ему, что предпочла бы никогда его больше не видеть, он улыбается и входит в квартиру напротив. Тут она понимает, что он их новый сосед.

Мари хочет поблагодарить Джонаса за то, что он отпустил ее сына, и приглашает всех Каллаханов в гости. Милдред, любопытная, как все вундеркинды, рыщет по квартире и натыкается на запертую комнату, откуда доносятся странные звуки – какие-то крики и звериное рычание.

Все семейство Френель бросается к ней, не давая открыть дверь. Но по ее взгляду понятно, что она на этом не остановится.

> В мастерской Фреда рука в перчатке нажимает на кнопку какого-то механизма и прижимает его к стене, смежной с квартирой американцев. Может, эти Френели еще безумнее Каллаханов?

Луи присвистнул.

– Да вы, мой милый Жером, прямо король *тизера.*

– Чего-чего? – переспросила Матильда.

– Захватывающего действия, которое приковывает зрителя к экрану.

– Прочитали бы вы, что я написал для «Реквиема хаоса», – говорит Жером. – Там в первые же четыре минуты на ярмарке была такая бойня, что им для съемок понадобилось разрешение префектуры, Министерства обороны и общества защиты животных, и все это под присмотром пожарных и республиканских рот безопасности.

– «Реквием хаоса»? Никогда не слышал.

– Они его так и не сняли. Хотя денег набрали немало, со всей Европы. Вроде бы министр в последний момент струхнул.

– Мне очень понравилась закрытая комната с рычанием. Вы, наверное, знаете, что там внутри?

– Понятия не имею.

Для пилотной серии вполне достаточно, и благоразумнее было бы отложить кое-что про запас, на черный день.

Наступает черед Матильды. Пока мы читаем, она наливает себе кофе.

> Брюно Френель – паренек скрытный, и родные давно привыкли считать его оболтусом. Единственный, кто догадывается, что его духовный мир гораздо богаче, чем кажется, – это Милдред, чудо-дочка их новых соседей, американцев Каллаханов.
>
> Брюно и Милдред заключают союз: они объединят свои усилия для осуществления плана, который сделает счастливыми обе их семьи. Главная цель – поженить родителей, Мари и Уолтера, которые просто созданы друг для друга. А потом поженить Джонаса и Камиллу – сыщика и красавицу-интеллектуалку.
>
> Удастся ли это юному балбесу и девочке-вундеркинду? Они замечают, что у их комнат есть одна общая стена, и проделывают в ней отверстие, которое позволит им общаться и днем и ночью.
>
> Они не сомневаются, что Фред давно влюблен в Мари, свою невестку. Не зашкаливает ли всякий раз его прибор для измерения страсти, который он изобрел единственно ради нее?
>
> Но у Мари тоже есть сердечная тайна. Она в очередной раз находит перед своей дверью гигантский букет. Среди цветов карточка: «Зависит только от вас». Подписано: «Ваш безвестный обожатель». Она относит цветы в свою спальню, которая и без того ими переполнена.

Все это напоминает мне десяток битловских песенок. У Матильды забавная манера открывать карты – без блефа, но при этом вполне сознавая свои козыри. За ее синопсисом уже угадываются все мыслимые любовные приключения, и отнюдь не спокойные, а полные скрытых опасностей. Она знает, чего мы ждем от нее: умения поливать пирожные сладким сиропом.

– Пока можем взять тайного обожателя и дырку меж двумя комнатами.

– Тот малый, что влюблен в жену своего покойного брата, из меня чуть слезу не вышиб, – признался Жером.

Матильда ответила, что сама жизнь соткана из подобных вещей.

Луи нажимает на клавишу, отправляя нам собственный текст.

> Камилла только что написала работу по философии Хайдеггера, Шопенгауэра, Сиорана и нескольких других. Поскольку она и без того довольно пессимистична от природы, этот труд лишь усугубил ее суицидальные наклонности. Камилла хочет наложить на себя руки с тайным намерением сделать свое самоубийство назидательным.
>
> Ее способна понять лишь новая соседка, Милдред, умственно необычайно рано созревшая, несмотря на свой юный возраст. Навязчивая идея Милдред – лишиться невинности, она хочет любой ценой устранить несоответствие между своим умственным и телесным развитием.
>
> Уолтер Каллахан сталкивается с Мари Френель в лифте. Он потрясен этой встречей, да и Мари чувствует, что как-то странно взволновала его. Но откуда ей знать, что она невероятно похожа на Лоли, мать детей Уолтера, пропавшую давным-давно?
>
> Джонас заметил влечение отца к соседке. Он решает навести справки о Мари. А главное, о Серже, ее покойном супруге, который, быть может, умер вовсе не так, как говорили…
>
> Фред, изобретатель, решает больше не выходить из своей мастерской, становится все раздражительнее, никого к себе не впускает. Он вот-вот изобретет что-то такое, что способно дать человечеству великую надежду. Но также ввергнуть его в катастрофу.

Луи только что дал нам основу для работы, его набросок сам по себе мог бы стать пилотным сценарием. Мне нравится этот тон, колеблющийся между тайной и отчаянием, целиком пронизанный легкой иронией. Любопытен контраст между автором и тем, что он пишет. Сам-то Луи человек жизнелюбивый, положительный. Когда я сказал, что чернухи и у него хватает, он возразил, что его и мои драмы различны по сути. Он, дескать, верит в неизбежное, а я нет.

Я решил подумать над этим.

Девять вечера, а мы всего только успели синтезировать наши тексты. Уже стемнело, наверняка мы последние, кто остался в здании. Луи раздал нам дубликаты ключей на тот случай, если кто-то захочет поработать в одиночестве, будет нуждаться в крыше над головой, чашке кофе или обществе коллеги, оказавшегося в таких же обстоятельствах.

Через несколько ночей сон ко мне вернулся. Мне даже удается отключить мыслительный аппарат, чтобы заниматься повседневными мелочами: питаться, менять рубашки или приглашать Шарлотту на ужин, в ресторан. Как раньше.

– С бессонницей ты меня больше устраивал.

Однако мне надо немедленно записать эту идейку о медиуме, который умеет просчитывать теорию с одного процента. Она мне пришла в голову по дороге, и я отлично вижу, как она мне пригодится серий через пять-шесть.

– Слышишь? С бессонницей ты меня больше устраивал.

– Любимая, у тебя ручки не найдется?

Вчера мы сдали первые три серии, отзывы на которые должны получить завтра. Четвертую уже пишем, у меня есть кое-какие предложения насчет девятого персонажа, которого еще предстоит придумать. Мне он представляется человеком уже немолодым, репортером, который разъезжает по всему свету и, оказавшись в Париже, останавливается у Френелей. Зато я не слишком горд диалогом между Милдред и Брюно, написанным сегодня днем на скорую руку.

– Я третий день не моюсь, чтобы пахнуть как самка во время течки.

Атмосфера в команде установилась спокойная, даже не ожидал. Стоит наметиться какому-нибудь разногласию, и мы все просто пережидаем, пока свежий ветерок не развеет грозовые тучи. Либо всем нам слишком нужны деньги, либо мы научились оставлять свое «я» за дверью.

– Станик звонил, хочет, чтобы ты пришел в контору к четырем утра.

– А раньше не могла сказать?

Шарлотта кого хочешь разыграть может, причем с редкой убедительностью, настоящая комедиантка. И ведь знает, как я это ненавижу.

– А ты и поверил! Самое смешное, что я не могу поделиться даже с лучшей подругой, не представляю, как можно ей рассказать, что мой парень изменяет мне с какой-то Сагой, во сне эту Сагу видит, меня Сагой зовет, когда мы занимаемся любовью.

– Не заливай, я никогда этого не делал…

– Ну да, поскольку любовью мы уже не занимаемся.

– Да хоть сейчас, если хочешь…

– Давай.

Вот сучка! Так и знал, что она это скажет.

– Заметь, нас ведь никто и не принуждает.

– Марко…

Мне бы очень хотелось избежать подобных разговоров в ресторане. Паскудство, стоило выбраться куда-то вместе.

– Как ты насчет того, чтобы заглянуть к нам в контору, любимая? Я заодно перечитаю один кусочек, который меня беспокоит.

– Это что, шутка?..

– Нам поставили огромный телевизор со всеми кабельными каналами.

– Только не говори, что там еще диван и кофеварка найдутся.

– Конечно.

– Тогда у тебя есть все, чтобы приятно провести ночь.

Она резко встает и уходит из ресторана, даже не поглядев на меня. Ревность ей так к лицу, что мне целую секунду хотелось броситься за ней вдогонку.

Не люблю ссориться с Шарлоттой, но, увы, только в эти моменты до меня доходит, насколько я от нее без ума. У нее тот тип красоты, который оставляет равнодушными девяносто восемь мужчин из ста, но завораживает двоих оставшихся. Я один из этих двоих, а второй, по счастью, так и не объявился. Впрочем, не понимаю, как ее могли оставлять в покое до нашего знакомства.

Эта стерва, должно быть, уже за угол свернула.

Помню даже, что испытал странное беспокойство, посмотрев на нее в первый раз. Я тогда сказал себе, что, если она, к несчастью, не свободна, я всю оставшуюся жизнь посвящу разврату, так и не связав себя ни с кем.

Теперь в метро спускается, на станцию «Сен-Себастьян».

Ручонки худенькие, вся в веснушках. Красит волосы хной и одевается только в темное, отчего еще больше похожа на опавший листок. Ноги великолепные. Ноги – это лучшее, что у нее есть. Когда она мне предложила жить под одной крышей, я ответил «да», при условии, что она откажется от мини-юбок. Она меня как только не обзывала, но я своего добился.

Должно быть, в поезд садится, даже не посмотрев, иду ли я следом.

И не подумаю бежать за ней. Приревновала к телесериалу? Смех да и только. Я ей раз двадцать говорил, что «Сага» для меня – шанс, который выпадает раз в жизни, но эта дура

отказывается понимать. Я наконец-то становлюсь сценаристом, настоящим, а ей и дела нет. Сценаристом, черт подери! Если бы чуточку потерпела, я бы через месяц им уже стал.

* * *

Я шлялся по городу, сунув руки в карманы и раздумывая, что могут делать после полуночи остальные трое. Представил себе Матильду в окружении красных роз за каким-нибудь романом – либо читает, либо пишет. Жером, наверное, в пустом кинозале, бормочет по памяти диалоги из «Терминатора». А Луи в объятиях Морфея, видит во сне своего дорогого Маэстро.

Никак не могу найти выключатель. В потемках поднимаюсь по лестнице и иду по коридору. В нашей конторе мерцает телевизор. Он у нас весь день светится без звука, видимо, перед уходом никто не удосужился выключить. Шарю рукой по дивану в поисках пульта. На экране в каком-то довольно сексуальном клипе голая девица заворачивается в мокрую простыню.

Тут моя рука натыкается на что-то живое. Я глупо вскрикиваю и отскакиваю назад.

– Простите…

На диване смутный скрюченный силуэт. Включаю свет. Какой-то молодчик пялится на меня виноватыми глазами. Точно такими же, какие были у Жерома в первый раз, когда я его здесь увидел.

– Вы кто?

– Я тут с братом… он вышел чего-нибудь купить…

Малый остается лежать на диване, пару раз безуспешно попытавшись сесть.

– Так вы Дюрьец?

– Тристан.

– Вы моложе Жерома.

– На три года.

– Ну а я – Марко. Кофе хотите?

Его грустные глаза, безнадежно прикованные к экрану, говорят «нет». Единственное, чего он хочет, – это спокойно лежать перед своим телевизором с пультом в руке. Не изобретено ничего лучшего, чем это маленькое окошко в мир, чтобы хотя бы на несколько часов об этом самом мире забыть. Я знаком показываю Тристану, что не собираюсь ему мешать. После чего включаю свой компьютер.

Мне вспомнилась реакция Сегюре, когда Жером попросил аванс на лекарства для брата. «Вы не находите, что малость перегнули палку?» Я тоже тогда подумал, что на такую слезливую выдумку и Диккенс бы не осмелился. Так-то вот. Когда сценарист говорит правду, ему никто не верит.

Перечитываю сцену с вундеркиндом Милдред и оболтусом Брюно. Что-то между этими двумя не стыкуется с самого начала, а что – не могу понять. Пускай Милдред остается извращенкой, но я бы предпочел добавить ей привлекательности. Пусть она будет не просто этакой Савонаролой из дешевой многоэтажки. Должно чувствоваться, что парня к ней влечет физически. Может, сумею накропать что-нибудь другое.

Сцена 12

Комната Милдред. Павильон. День.

Милдред лежит на кровати под большой афишей «Призрака Оперы». Брюно с сигаретой в руке забавляется, глядя через отверстие в стене на свою собственную комнату.

Брюно. А ты тут не скучаешь, мое лежбище как на ладони!

Милдред. Не беспокойся, я знаю, что подросткам уединение нужнее, чем другим. Я ведь тоже была в твоем возрасте.

Брюно. Мы с тобой все равно погодки, будь ты хоть в тыщу раз умней.

Он подходит к Милдред, садится на край кровати и медленно кладет руку на ее икру. Она решительно его отталкивает. Он пожимает плечами.

Брюно. А ну как я тебя вчера голой видел? Вечером, когда ты из душа выходила.

Милдред, выпрямившись, серьезно глядит на него.

Милдред. Неправда! Иначе бы ты и о шрамах сказал!

Брюно. Чего?

Милдред. Знаешь легенду о Медузе? Она превращала в камень тех, кто на нее смотрел. То же самое случается и со всеми, кто видит меня голой.

Брюно. Что еще за бред?

Милдред. Это у меня после пожара в «Бель Эйр». Я спала себе спокойно в такой, знаешь, кровати с балдахином…

Брюно. Чего?

Милдред. Заметь, я ничего не почувствовала. Из-за ядовитых испарений была почти в коме, очнулась только через несколько дней. Видимо, меня накрыло расплавившейся противомоскитной сеткой. Ожоги четвертой степени. Я уйму времени на операционном столе пролежала, пока с меня все это соскабливали. *(Она кладет руки на те части тела, о которых говорит.)* Кожа на ногах – словно сыр в пицце, на правом бедре клеймо, как у техасской коровы, это от раскаленной матрасной пружины, а еще тут, на груди такое… даже не знаю, как описать… Бугры и какие-то странные впадины. Вроде бы мне еще пять-шесть лет надо дожидаться, прежде чем показать это пластическому хирургу. Но я уже не уверена, буду ли это делать. В конце концов, я к этому телу даже привязалась.

Взъерошенный Брюно вскакивает и устремляется к двери.

Брюно. Ну ты и чокнутая! Ведь все же наврала, все!

Милдред. А ты проверь, коли не трус. Это тебе не подглядывать.

Он хлопает дверью.

– Марко?

Я отрываю нос от экрана, еще толком не придя в себя. Передо мной Жером. Вид сконфуженный, в руках бумажный пакет. Я уже начинаю привыкать к его развинченной фигуре и не по годам усталому взгляду. Если бы правительство затеяло пропагандистскую кампанию против американцев, он бы вполне сошел за ходячий образ врага. Даже в Бронксе дырявые джинсы не носят с такой непринужденностью, когда он жестикулирует, рядом с ним любой рэпер показался бы недвижной кариатидой, а от его ругательств на жаргоне янки покраснели бы даже сутенеры с Сорок второй улицы. Может показаться, что все это искусное подражание, но ничего подобного: Жером таким уродился, и когда он утверждает, что ни разу не

покидал Парижа, я сам не могу в это поверить. Младший братишка преспокойно смотрит какой-то телефильм, даже не заметив его появления.

– Обычно он в лечебнице, но последние полгода я не смог за нее платить.

– Тебе не нужно ничего объяснять.

На самом деле мне нужны его объяснения. И движет мной не одно только любопытство. Я хочу понять, каково оказаться на улице с не слишком здоровым братом на руках и без малейшего представления, что со всем этим делать. Жером протягивает мне бутылку холодного пива, которую только что выудил из холодильника бакалейной лавки напротив. Я ополаскиваю два стаканчика. Идеальным было бы что-нибудь покрепче – обжигающий глоток делает мужские разговоры задушевнее. Жером дает Тристану пару таблеток и велит запить пивом. Потом подсаживается ко мне за рабочий стол.

– У него болезнь Фридрейха – паралич нижних конечностей. С каждым годом все хуже. Всего несколько минут подвижности в день. Остальное время надо лежать и принимать по часам препараты для расслабления мышц. Ему всего-то нужен спокойный уголок, где можно приткнуться, больше ничего. Как только мне заплатят, я смогу отвезти его в Норье.

Он говорит об этом равнодушно, словно терпеть не может драмы, любые драмы, особенно те, что случаются в жизни и начисто лишены всякой увлекательности. Я предлагаю ему подкинуть немного деньжат, пока нам не заплатили, но он отказывается.

– Будь у меня мои четыре миллиона долларов, я бы его устроил в Малибу, с парочкой умопомрачительных сиделок.

– Твои четыре миллиона долларов?

Он это нарочно сказал, и я клюнул сразу же. Чувствую, что Жерому ужасно хочется кому-нибудь довериться. Он многозначительно наклоняется к моему уху.

– «Детфайтер» – тебе это что-нибудь говорит? «Детфайтер»? Три миллиона зрителей в Париже и окрестностях за восемь недель. Четыре «Оскара», и первый – Шварценеггеру как лучшему актеру. Тот на вручении плакал, любо-дорого было смотреть. Хотя с таким же успехом можно было вручить и Сталлоне. В Штатах фильм приближается к мифическому рекорду «Инопланетянина», а по мерчандайзингу скоро обгонит «Бэтмена».

– «Детфайтер» – это я.

Кое-кто такое уже говорил, давным-давно, об Эмме Бовари. Ему тогда мало кто поверил.

* * *

Я вернулся домой и нырнул под одеяло к своей красотке. Но, увидев ее восхитительно отстраненную спину, обуздал свою ладонь и пристроился в нескольких сантиметрах от нее, не касаясь. Ну разве я виноват, что у меня голова другим занята? Мне захотелось ее разбудить и сказать, чтобы не обращала на меня внимания. Сказать, что мне сейчас особо нечего ей сказать, что я сейчас думаю не о ней, а о других людях, о вымышленных существах, ревновать к которым бессмысленно. И что я все так же ее люблю. И что у меня вся жизнь впереди, чтобы сказать ей это.

Но не сумел.

* * *

Матильда хорошеет день ото дня. Хочется взять ее на колени и писать диалоги вдвоем, не говоря ни слова, на манер влюбленных, читающих одну книгу и поджидающих друг друга внизу страницы. Она свежа с утра до вечера и чертовски приятно пахнет. Тут она или нет, ее запах обволакивает нас всех троих и заставляет водить носом. Первое время ей еще удава-

лось не напоминать нам, что она единственная женщина в группе, но вот уже сорок восемь часов, как этот номер не проходит. Она несет в себе память о сотне дам сердца и тысяче любовниц, которые появляются тут без ее ведома. И это сказывается на работе: каждый выдает втрое больше.

– Этому есть объяснение, – сказал нам Луи как-то вечером, когда она ушла пораньше. – В Средние века, когда надо было прижечь открытую рану, требовалось десять мужчин, чтобы бедняга не дергался, и дело никогда не обходилось без боли и насилия. Но можно было также обратиться к самой красивой и юной девушке селения, чтобы она просто подержала его за руку во время испытания. И обычно она справлялась гораздо лучше, чем те десять. Без Матильды у нас, возможно, появилась бы досадная привычка работать спустя рукава.

– Как вы думаете, есть у нее кто-нибудь? – спросил я.

– Непохоже, – сказал Луи. – Однажды вечером я проводил ее домой, она пригласила меня выпить кофе.

Тот, кого мы с Жеромом за глаза называем Стариком, любимый капитан команды, в который раз доказал нам преимущество своего возраста. Мы пристали к нему с ножом к горлу, чтобы он все нам рассказал о мире таинственной Матильды, королевы любви.

– У нее там все потрясающе заурядно – строго, функционально, декоративно. Похоже, вы разочарованы…

– Еще бы не разочарованы.

– А чего вы ожидали? Что у нее мебель розового дерева? Занавеси и покрывала от Лоры Эшли? Подушечки сердечком?

– Цветы повсюду и ни единого лепестка на полу.

– Картинки под Франсиска Пульбо в прихожей, большущий флакон «Лулу» в ванной.

– «Мари Бризар» и шартрез! Здоровенная плюшевая мышка!

– Гигантский постер Барбары Картленд!

– Вы бредите, ребятки. Но хочу вас утешить: я все-таки видел фото сестер Бронте в туалете.

С появлением привычки начинаю лучше понимать своих партнеров, могу даже угадать, как они отреагируют на то или иное событие. Если бы мы не обращали внимания на поведение друг друга за время десяти-двенадцати часов работы, давно пришлось бы распрощаться с нашим прекрасным согласием. Луи при каждом удобном случае цитирует своего Маэстро и делает это с такой непосредственностью и точностью, что невозможно допустить, будто это чистая выдумка. Вечерами, когда приходит охота поработать сверхурочно, мы частенько говорим об этом с Жеромом. Вынуждены признать очевидное: Луи и впрямь работал с мастером. Как, почему, над каким фильмом? Я не осмеливаюсь задавать слишком прямые вопросы и предпочитаю, чтобы он сам приоткрыл завесу тайны над своей историей, как это делает умелая стриптизерша, когда заводит публику. Нам как-то спокойнее оттого, что он с нами, его роль капитана вырисовывается все четче. С общего согласия мы доверили ему вести все дела с продюсерами. Он занялся нашими договорами и постарался стрясти с канала как можно больше, никому другому бы это не удалось. Сегодня утром он сумел-таки выбить наши чеки и раздает их нам, словно призовые очки. Матильда сует свой в сумочку, даже не посмотрев на сумму. Жером с облегчением хрипит и целует бумажку. Деньги ему нужны больше, чем всем нам. По словам Луи, Сегюре совершенно нечего сказать о нашем творении, он лишь очень бегло просматривает сценарий каждой серии и отдает все ассистенту, который составляет смету и план работы. Съемки «пилота» начались вчера. Цель: лепить сорок пять минут сериала в день вместо обычных десяти, что ясно предвещает качество конечного продукта. Никто и не подумал представить нам актеров или хотя бы показать их фото. В одном мы уверены: известных нет ни одного, а три четверти едва владеют профессией. Сегюре утверждает, что «незрелые таланты» всегда готовы в лепешку расши-

биться. Еще говорит, что если фигуранту дать шанс, с ним можно чудеса творить («Вспомните Мэрилин Монро!»). Всем актерам платят по пятьсот франков в день. За такие деньги водопроводчик даже с места не сдвинется. Чудес мы не ждем, но каждый из нас держит в голове какую-нибудь тираду или диалог, которые ему особенно дороги, или реплику, достойную в его мечтах Лоуренса Оливье или Анны Маньяни.

– В конце концов, мы и сами так сюда попали, – сказал я. – Дадим им шанс.

Компьютеры затарахтели, и мы расселись перед экранами. Тристан, это «Нечто», и так уже лежит перед своим с пультом в руке. За эти десять дней он ни разу не покидал дивана и добился того, что о нем попросту забыли. Его можно принять за какое-то холоднокровное животное в бежевых тонах, неподвижно застывшее, приспустив веки. Он смотрит телевизор в наушниках, безропотно питается одной пиццей и стережет лавочку днем и ночью. Не стоит только слишком долго глядеть на него, если не хочешь вконец расхандриться. Другими словами, мы даже довольны, что он среди нас. А я, как только узнал, что его брат потенциально стоит четыре миллиона долларов, обоих записал в число близких.

Старик спрашивает, хотим ли мы внести какие-нибудь изменения в четвертую серию. Жерому кажется, что я слишком уж тороплю расследование Джонаса по поводу запертой комнаты у Френелей (куда мечтает проникнуть Милдред). В одном эпизоде я слегка намекнул на некое спрятанное там сокровище, но глубже копать не стал. Это ведь может быть что угодно, и совсем не обязательно в звонкой монете, нельзя же все сводить к деньгам. Какая-нибудь «Обнаженная» Ван Гога, ящик Пандоры, мумия, обломок истинного Креста. Жером воображает там целый арсенал, бесследно исчезнувший во времена давно забытой войны. Шкаф, набитый ручными гранатами и базуками, которые ржавеют в ожидании своего часа. Луи там видится, скорее, нечто, занимающее всю комнату целиком, например подпольная типография для печатания фальшивых денег или лаборатория. Но эту идею мы быстро отвергли – лаборатория слишком напоминала бы мастерскую нашего изобретателя. Поскольку Матильда еще ничего не сказала, я спрашиваю, есть ли у нее какие-нибудь соображения. Она отвечает «да», что означает: «Да, но пока это немного расплывчато, я бы хотела предложить вам это, уже когда напишу».

– Какие именно?

– Пока это немного расплывчато, я бы хотела предложить вам это, уже когда напишу.

– Прекрасно. Тогда оставим пока запертую комнату, – говорит Луи.

– Глянем еще разок на семнадцатый эпизод? – предлагает Жером.

Он невзлюбил Камиллу с самого начала и не прочь отделаться от нее, заменив более «токсичным» женским персонажем.

– Мы уже четыре серии нянчимся с этой занудой!

– Впереди еще целых семьдесят шесть, а ты уже хочешь кого-то замочить? К чему такая спешка?

– Истребить Камиллу мне кажется несколько преждевременным, – говорит Матильда. – В нее ведь влюбится Джонас.

– Ну и что? Он и в другую может влюбиться. В более…

– «Токсичную»?

– Вот именно.

Уже в первом своем наброске Луи хотел наделить Камиллу склонностью к самоубийству.

– Самоубийство дает массу преимуществ: это изысканно, это наполнено смыслом, это в духе «конца века».

– Думаю, это довольно жестоко по отношению к студенткам, изучающим философию. А вдруг во время показа одна из них как раз будет писать свой диплом, включив телевизор, чтобы не было так одиноко в ее тесной каморке?

– У вас неистовое воображение, Матильда, вы просто созданы для этой работы.

– Мы отвлекаемся! – восклицает Жером. – Покончим с ней самоубийством, и точка. Остается придумать способ.

Он гнет свое, но Матильда грудью встает на защиту несчастной и пытается спасти ее всеми доступными ей средствами. Луи предлагает соломоново решение: Камилла умрет, если никому из нас троих не удастся ее выручить. Заинтригованный Жером решает рискнуть и посмотреть, что каждый из нас сможет выдумать для спасения Камиллы. Луи принимается за дело первым, чтобы подать пример.

Сцена 17

Комната Камиллы. Павильон. Вечер.

Камилла сидит в кресле-качалке и смотрит, как сгущается ночь. На ней белое платье, в руках книга – «Стоики». Она вслух прочитывает пассаж о самоубийстве. Достает из комода револьвер, взводит курок и засовывает ствол себе в рот.

Неожиданно стучат в дверь.

Она идет открывать, пряча револьвер за спиной. С удивлением видит своего дядю Фреда. Впускает его. Тот удрученно садится на кровать.

Фред…Знаешь, опыт, над которым я работаю с тех пор, когда ты была еще совсем маленькая…

Камилла. Ты про свою волшебную коробочку? Которая делает бессмертным того, кто ее носит?

Фред. Мой аппарат способен оживить любого через час после его смерти. Скончайся он от сердечной недостаточности, от разрыва аневризмы или даже от несчастного случая, моя коробочка способна… как бы это сказать… вернуть его назад. Но теперь, когда я уже близок к цели, до меня вдруг дошло, что я никогда не увижу ее в работе.

Камилла. Почему?

Фред. Потому что я не могу испытать ее на только что умершем человеке.

Камилла. Но их же полно в больницах!

Фред *(пожимая плечами)*. По сравнению с моим изобретением современная медицина еще в средневековье. Хочешь, чтобы меня сожгли как колдуна? Эйнштейн говорил, что преодолеть предрассудок труднее, чем расщепить атом, а смерть – строжайшее табу. К тому же мне самому надо быть там, в ту самую минуту, а это невозможно…

Камилла *(серьезно)*. И кто же был бы для тебя идеальным подопытным?

Фред. Идеальным? *(Задумывается.)* Это должен быть… Тот, кто будет кончать с собой всеми возможными способами, под моим контролем, и чтобы я возвращал его к жизни снова и снова, после каждой попытки! Но сколько же времени мне понадобится, чтобы найти такого? Чтобы убедить его сотрудничать со мной? Я наверняка умру раньше, чем повстречаю его, и труд всей моей жизни, эта надежда человечества, уйдет вместе со мной…

– Эта история с волшебной коробочкой – совершенно нечестный ход, – заявляет Жером. – Неужели ты думаешь, что этого хватит для ее спасения? – И великодушно добавляет: – Но пусть ей дадут второй шанс.

За компьютер садится Матильда.

Помолчав немного, Камилла провожает своего дядюшку к двери.

Камилла. Когда-нибудь ты найдешь своего подопытного, я уверена.

Она целует его и закрывает дверь. Опять берет револьвер и приставляет его к виску. Крепко зажмуривается, собираясь нажать на спуск.

Вдруг чья-то рука обезоруживает ее. Она ошеломленно оборачивается. Перед ней Джонас.

Камилла. Кто вам позволил сюда войти? Даже мои родные сперва стучат в дверь.

Он вынимает патроны из барабана.

Камилла. Убирайтесь!

Джонас. Знаете, а ведь я мог бы вас арестовать за незаконное хранение оружия.

Камилла. Это отцовский. Не осмелитесь же вы конфисковать последнее, что у меня осталось от папы.

Он хочет обнять ее, но она его отталкивает.

Джонас *(сухо)*. Ладно, раз уж вы так хотите умереть, мне это может пригодиться. Слыхали о Педро Менендесе по кличке Уайт?

Камилла. Это ведь террорист?

Джонас. Он сейчас в Париже, и скоро волна терактов захлестнет столицу. Но хуже всего, что мы не можем это остановить. Он – мозг организации, хотя сам всегда держится в стороне. Его не за что привлечь. А он дразнит нас – живет у всех на виду, в шикарном парижском отеле. Сотни невинных людей погибнут, а мы ничего не можем поделать.

Камилла. А я-то чем могу помочь?

Джонас. Мы уверены, что устранение Менендеса означает и смерть всей его организации. Но законные средства тут не годятся. Нам просто нужно его убрать, вот и все.

Камилла. Так вы мне предлагаете сыграть роль камикадзе?

– Не сумев удержать ее от самоубийства, он хочет возвысить ее смерть – разве это не доказательство любви? – вопрошает Матильда.

Пусть меня повесят, если в четыре часа утра у зрителя еще будет спрос на подобную психологическую галиматью. Но логика в сцене есть, и я охотно развил бы ее чуть дальше. Идея, что в этом доме нельзя спокойно покончить с собой, начинает мне нравиться.

Достаточно оттолкнуться от грубой, но здравой посылки: тот, кто знает, что ему осталось до смерти всего несколько часов, наверняка впервые в жизни испытает чувство небывалой свободы. Всемогущей свободы, избавленной от любых ограничений и табу. Свободы, вознесшейся над любыми законами.

И как глупо бы было ею не воспользоваться!

Комнату Камиллы осаждает толпа желающих извлечь выгоду из ее самоубийства. Сколотить на этом огромное состояние меньше чем за час было бы детской забавой, но подобная продажность отвратительна той, что отчаялась в жизни. Некоторое время ее искушает оптовое пожертвование собственных свеженьких органов, но мысль о том, в какую разрозненную мозаику превратится ее тело, пугает девушку. Ей предлагают на выбор целую коллекцию мифических смертей, которые на долгие годы потрясут умы, но зачем? Ее поступок обретет смысл лишь в том случае, если останется исключительно эстетическим, то есть бескорыстным.

Камилла смиряется с очевидностью и откладывает самоубийство до тех пор, пока не найдет в смерти смысл.

Дочитав эпизод, Жером бросает листки на стол.

– Что ж, дуреха дешево отделалась. Самой малости не хватило.

Луи, Матильда и я облегченно вздыхаем. Хотя Камилла все еще под угрозой, но получила отсрочку.

Полдень. Жером набрасывается на телефон, чтобы заказать пиццу. Его брат пялится на какую-то бразильскую дребедень. Матильда сбрасывает на дискету варианты семнадцатого эпизода.

Октябрьское небо прорезает солнечный луч. До конца дня пока далеко. Нам еще надо присматривать за нашим маленьким мирком.

– Если исключить Бога и сценаристов, знаете ли вы другое такое ремесло, где бы лепили человеческие судьбы? – спрашивает Старик.

День Всех Святых выпал на четверг, но мы все в конторе, словно нам некого навестить на кладбище. Кто-то из нас заметил это, однако лишь Старик откликнулся, сказав, что его жена никогда бы не потащилась на кладбище, угоди он туда первым. Он считает, что есть и гораздо более приятные способы подхватить насморк (колесо обозрения в Тюильри, например) и что продавцы хризантем сплошь мерзавцы. Он добавляет, что жена бросила его ради актера, с которым он вовсе не желает там встречаться.

– Я даже на Каннский фестиваль перестал ездить, лишь бы не наткнуться на него, так неужели полезу как дурак в западню у Лизиной могилы?

Луи легко переводит разговор на Лизу. Никогда не упускает случая вспомнить ту, которую так любил и которая так его мучила. Не знаю, что им движет – цинизм или потребность выговориться. Матильда изучает былую идиллию с любопытством геолога. Что составляло эту любовь? Каковы ее верхние пласты? Что в глубинах? Где самый ненадежный склон? Если верить Луи, Лиза ушла из-за его преданности Маэстро. Была не способна уразуметь, как можно пожертвовать собственной карьерой ради чужих шедевров.

– Сам-то я, хоть и готов на вечное проклятие ради ночного сериала, тоже представить себе не могу эту высшую честь – творить рядом с самим Маэстро.

– А этот тип, который отбил у тебя Лизу, что он за актер?

– Из тех, что декламируют Шекспира в колготках. Чистый театрал. В общем, настоящий, чего уж там.

Даже если бы он никогда не повстречал Маэстро, Лиза бы все равно его бросила, потому что он работал в тени. Он ее описывает как великую жертву сверкающей мишуры и криков «браво!», а сценариста, хотя именно с него начинается любой успех, всегда поминают последним. Мир глазеет только на актеров. Сценарист творит мечту, но о его собственном уделе мало кто мечтает.

– Если он играет в театре, то наверняка встает поздно и не отправится на кладбище раньше двух-трех часов, – говорит Матильда.

– Поди знай. К тому же вы видели, сколько нам сегодня предстоит своротить?

Сегюре срочно вернул нам на доработку десятую серию, подчеркнув все, что ему показалось непонятным, и исправление заняло у нас добрых два часа. Самому Сегюре плевать на эти непонятности, он жалуется лишь на то, что некоторые фразы и даже целые сцены ставят актеров в тупик, а это тормозит съемку.

– Мне казалось, что Сегюре все-таки из тех, кто знает слово «апогей».

– В каком это диалоге?

– Сцена двадцать первая, когда Джонас ляпает какую-то глупость, а Милдред ему отвечает, что речь идет об «апогее монгольской мысли».

– Замени на «зенит». Очень даже мило звучит: «зенит монгольской мысли».

– Не уверен, что так для него понятнее. Замени «кульминацией», «пиком» или «вершиной».

Похоже, что съемки пилотной и второй серий прошли довольно успешно. Сегюре не успел перегнать их для нас на кассету, но посоветовал посмотреть денька через два, когда начнется показ. Он находит, что вышло «не так уж плохо» и есть даже «парочка удачных

моментов». Директор канала еще ничего не видел, и можно вполне резонно предположить, что ему на это совершенно начхать. Ему и без того забот хватает с подбором фильмов, реалити-шоу и выпуском новостей. Как раз сейчас снимаются третья и четвертая серии. Так что в сроки мы укладываемся.

– Мне казалось, что Сегюре все-таки из тех, кто способен оценить фразу: «Я видела твоего отца, Джонас, он был смертельно пьян и делал какие-то беспорядочные движения, словно заколачивал воображаемый гроб».

– Он также не из тех, кто похвалит нас за пятьдесят пятую сцену.

Да… ох уж эта пятьдесят пятая сцена! Поскольку Мари не платила за электричество, ей вырубили свет. Все действие разворачивается в кромешной тьме, понятно лишь, что в комнате вместе с ней находится еще «кто-то». Вначале ее это пугает, затем приводит в веселое возбуждение, а заканчивается все учащенным, сдавленным дыханием. Понятия не имею, как девица, играющая Мари Френель, из этого выпутается. Тут нужны немалые актерские способности. Больше всего Сегюре смущает, что так и остается непонятным, кто же с ней в комнате. Я ответил, что даже сама Мари предпочитает этого не знать. Мужчина это, женщина, ее безвестный обожатель или деверь – никто никогда не узнает. Для Сегюре важно, чтобы зритель не вообразил, будто это ее собственный сын Брюно. Однако мысль о кровосмешении никому из нас даже в голову не приходила! Это лишний раз доказывает, что полная темнота подхлестывает воображение, хотя воображение самого Сегюре не перестает меня удивлять. Надеюсь, они снимут сцену так, как она написана.

Старик облепил края своего экрана множеством бумажек с заметками, стараясь получше обрисовать личность папаши Каллахана.

– Уолтер выходит каким-то кретином. Ему нечего переживать, нечего сказать, в диалогах он особенно скучен. И три четверти всего времени пьян в стельку.

Я не согласен. Уолтер алкоголик, но пьет с некоторой элегантностью, это даже придает ему некий шарм. Прежде всего, он жаждет нормальности, которой никогда не знал, но отыскать ее надеется лишь на дне бутылки. После первого стакана он замечает, что вовсе не такой тупица, как все ему твердят. После второго становится обычным человеком. Отныне он добропорядочный отец семейства, на которого можно положиться.

– Надо бы ему придумать какой-нибудь особый штришок. Что-нибудь… этакое… идущее от сердца.

При слове «сердце» мы с Жеромом смотрим на Матильду.

– Я тут набросала кое-что для него с Мари, но это не так-то просто, – говорит она. – Пока на первый план вылезает тайный воздыхатель.

– Можем тем временем подкинуть Уолтеру любовницу, – говорит Жером. – Им достаточно будет взять одну из ассистенток и снять, как они резвятся под одеялом. Время от времени будет высовываться чья-нибудь нога, и все.

– Говоря о «сердце», я имел в виду совсем другое. Я же вам толкую о биении жизни! О вдохновении!.. О метафизическом головокружении!.. О Боге, смерти, небытии и тому подобном…

Луи пришла охота покапризничать. Такое обычно случается, когда сживаешься с персонажем. Хоть он и не превратил Уолтера в свое второе «я», но наделил его кое-чем из своей собственной жизни. Кроме всего прочего – заставил пережить потерю любимого существа. Жером любезно, словно хочет доставить нам удовольствие, предлагает скромное экзистенциальное убийство в духе Камю. Уолтер мог бы убить Камиллу, желая ей помочь, и это, по словам Жерома, добавило бы чуточку «эмоционального напряжения» в отношения между соседями. Похоже, Луи это не воодушевляет.

– Уолтер начнет сочинять госпелы, песни-проповеди, и повстречается с Богом! – заявляю я. – Прямо с Ним Самим!

Матильда думает, что я шучу, но ошибается. Если Бог повсюду, то неизбежно и в нашей «Саге», и мне кажется логичным дать Ему возможность появиться. У нас в запасе девятый персонаж, мы его еще не использовали. Уж на роль-то Бога они вполне могут кого-нибудь найти, чего проще. Маленький видеомонтаж, и – хоп! – пока Уолтер сочиняет песнь во славу Божию, появляется Он Сам, собственной персоной. Надо только подать это как можно интимнее, строже (человек – песня – Бог). Идея наверняка немного ошарашивает, но с моей стороны тут нет ни малейшего зубоскальства. Сегюре призвал нас делать что угодно, от чего я не собираюсь отказываться. Но это и не повод работать абы как.

Луи молча встает. Подходит к окну, закуривает «Голуаз».

– А вам не кажется, что пора вспомнить о Лоли Каллахан?

– О матери ребят? Которая пропала пятнадцать лет назад?

Как я сразу не догадался? Луи хочет дать Уолтеру шанс снова встретиться с той, которую он потерял. Во всех персонажах «Саги» есть частица каждого из нас. И если искусство подражает жизни, тем лучше.

– Она давно умерла, – продолжает Луи. – План Уолтера был прост: скрыть от детей ее смерть, чтобы не травмировать их. Он им сказал, что мама уехала, но непременно вернется. Он дал себе лет десять-пятнадцать, чтобы влюбиться в другую женщину и попросить ее стать Лоли в глазах его детей, чтобы они обрели наконец свою мать.

– И это ты называешь простым?

В самом деле, малость замысловато, но почему бы и нет?

– А по-моему, довольно красиво, – говорит Матильда. – Роль, которую он просит сыграть эту женщину, для нее – спасательный круг. Ее зовут… Ева. Когда-то она пережила несчастную любовь. Ее теперешняя жизнь чудовищно пуста, и, разумеется, у нее никогда не было детей. И вдруг ей предоставляется уникальный шанс – стать Доли. Так ли это завидно – стать авантюристкой, которая ради личного счастья бросила семью? Но ведь она же возвращается, чтобы заслужить прощение. Для женщины, которая уже ничего не ждет от жизни, нет роли прекраснее. Дети будут ее обожать, отец будет обожать. Вы хоть представляете, сколько любви вдруг обрушится на эту несчастную?

Откуда берутся идеи? Как рождаются персонажи? Одно несомненно: эту «Сагу» можно было породить только вчетвером. Стоит кому-то из нас лишь обронить какое-нибудь желание, впечатление, сомнение, другой обязательно подхватит на лету. Кто придумал эту Еву? Все. Она родилась из наваждения Луи, из чувствительности Матильды, из ехидства Жерома. И разумеется, отчасти из моего молчания.

* * *

Когда настает пора расходиться, я сомневаюсь, идти ли мне к Шарлотте. Как и каждый вечер, мы опять будем не способны прикинуться парочкой счастливых влюбленных, которым не терпится узнать, как у другого прошел день. Чтобы чем-то заполнить молчание, я опять почувствую себя обязанным выслушивать байки с ее работы. А я за Шарлоттой знаю только один недостаток: она начисто лишена таланта рассказчицы. Умудряется сделать монотонной даже перепалку с сослуживицей. Упоминает кучу каких-то незнакомцев, которых я зачем-то обязан знать, мешает недавнее прошлое с ближайшим будущим. Бойко перескакивает с пятого на десятое, начинает с анализа вместо синтеза, выпячивает какие-то обыденные пустяки, а если и коснется чего-то замечательного, то лишь по недосмотру. Она убеждена, что завораживает слушателей, и такое случается несмотря ни на что, потому что она красива, до неприличия красива, когда попадает впросак.

Даже если ее работа не слишком меня вдохновляет – Шарлотта обучает управленцев каким-то неведомым способам развития предприятий, – я первым готов признать, что она у

нее есть. Мне же самому, начинающему сценаристу Марко, еще случается краснеть, когда меня спрашивают, чем я занимаюсь. Жду не дождусь того дня, когда смогу объявить во всеуслышание, что я – спец по неожиданным ходам и крутым поворотам, дипломированный выдумщик, профессиональный фантазер. «Сага» станет моим боевым крещением.

Эпизодически вечерами мне хочется попросить свою спутницу жизни подождать меня три месяца. Представить, будто я в командировке, далеко-далеко, за тридевять земель.

Я еще немного медлю в конторе. Матильда со Стариком ушли, Жером отправился в Булонский лес метать свой бумеранг. Некоторое время сижу с Тристаном, без особой надежды, что он оторвется от своего экрана ради беседы со мной. Он никогда не произносит ни единого слова, кроме «спасибо», когда брат протягивает ему пиццу.

Не представляю, как братья Дюрьец могут оставаться сутки напролет в одной комнате и ограничиваться одним блюдом.

Подобно всем, кто попадал в передрягу, братья Дюрьец придают большое значение гигиене. С утра пораньше пользуются душевой «Примы» и надевают свежие шмотки, которые старший приносит из автоматической прачечной. Жером вытряхивает пепельницы, проветривает и подметает. К нашему приходу контора блистает чистотой. Опять же экономия для Сегюре.

Тристан щелкает пультом. Сейчас самое трудное время для выбора, между шестью и семью вечера, когда все каналы выкатывают свою тяжелую артиллерию, чтобы за этот час обрушить максимум рекламы на семьи, собравшиеся перед телевизором в ожидании восьмичасового выпуска новостей. Тристан от всего этого очень далек, такая суета по вечерам лишь тревожит его. Я уже пытался отыскать логику в его беспрестанном перескакивании с канала на канал, но так и не смог. Клипы и новости его раздражают больше, чем все остальное; он может, глазом не моргнув, снести банду рэперов с тремя тоннами их децибел или заткнуть рот любому, кто вознамерился сообщить ему о событиях в мире. Он отнюдь не фанатик рекламы и предпочитает ее переждать, уделив несколько секунд документальному фильму о животных или перебранке в ток-шоу. Терпеть не может мультики и репортажи о космосе. Избегает архивных кинодокументов о войне и розыгрышей лото. Зато его очень интригуют метеосводки, хотя он все свое время проводит под крышей. Целиком просматривает новости кино и рекламные ролики выходящих на экраны фильмов. Рано утром, пока день еще не начался, может заглянуть в телемагазин или на кулинарную передачу. Все это мельтешение кадров отмечает лишь краткие остановки в его лихорадочном поиске вымысла. Игровых фильмов. Кино для него – превыше всего остального. Плохой фильм лучше хорошего американского сериала, плохой американский сериал в сто раз лучше европейских телепостановок с продолжением. Но он может довольно быстро забросить то, что его вроде бы увлекло, и ненадолго переключиться на бразильское «мыло» или многосерийку для подростков. После чего возвращается к своему телесериалу, который от пропущенных пятнадцати минут ничуть не пострадал, а даже наоборот. Просто Тристан дает героям время познакомиться, пока не завязалась интрига. И поспевает как раз к тому моменту, когда что-то уже по-настоящему началось. Так он может смотреть несколько историй одновременно, выбирая из них только самое лучшее. Мое присутствие его не беспокоит. А у меня при взгляде на него аж дух захватывает. Будто вижу в работе сложнейшую машину, какой-то суперначиненный компьютер, способный просчитать все варианты, устранить любые сюжетные тупики, выдать полный список функциональных возможностей. Если же он задерживается на чем-то, не испытывая желания заглянуть куда-то еще, значит попался наконец, с детским удовольствием, на крючок умелого рассказчика. Чью историю при всех своих способностях не в силах предугадать.

Чаще всего он лежит на спине, не выпуская пульта из рук. Иногда переворачивается на живот, чтобы растянуть позвоночник, потом возвращается в исходное положение. Еще реже

поворачивается спиной к экрану и закрывает глаза. Значит, сейчас задремлет на несколько минут, не переставая слушать диалоги из фильма – для его сна это непременное условие. И лишнее доказательство, что только вымысел способен прямиком отправить вас в страну снов. Репортажи-то могут лишь до бессонницы довести. Тристан никогда не смеется и не улыбается, его взгляд остается бесстрастным при любых обстоятельствах. Он на все реагирует с помощью пульта. Временами он мне напоминает малолетнего идиота, завороженного тайнами аквариума, или старика, который забывает обо всем на свете, глядя на огонь в камельке.

– Он уже в детстве таким был.

Жером тут, потный, с бумерангом в руке. Откупоривает шкалик красной водки с перцем и протягивает мне вместе с пластиковым стаканчиком.

– Он видел из своей постели, как я ухожу играть с ребятами во дворе. Так что по возвращении приходилось уделять ему минут пятнадцать и пересказывать все глупости, которые мы там вытворяли. А как-то раз, когда рассказать было нечего, пришлось выдумывать. Поначалу-то ничего особенного, чтобы ему не слишком обидно было.

Тристан в наушниках. На экране – череда взрывов, опустошающих гигантский музей современного искусства. Ни малейшей опасности, что он нас услышит.

– Но потом это быстро приобрело устрашающий размах, мальчишкам ведь подавай все больше. И пошло-поехало: я должен был ему рассказывать о воинских подвигах, о всяких хвастливых похождениях, о поединках в школьном дворе. Мать говорила: «Это меньшее, что ты можешь для него сделать», а она постоянно чуть не попрекала меня, что я здоров. Знаю, слабеньких всегда любят больше, но тут старушка малость перестаралась. Мы с Тристаном прекрасно друг друга дополняли: ему требовалось чем-то интересоваться, а я хотел быть интересным. Пришлось обзавестись талантом.

– Так вы в это и вляпались?

– В сценаристы-то? Да.

Закуриваю сигарету из пачки, забытой Стариком. Жером удивляется, видя меня курящим. А я просто слишком люблю табак, чтобы дымить день напролет. Он открывает окно и выглядывает наружу. В комнате свежеет. Отхлебываю глоток водки, делаю затяжку и понимаю наконец, почему повсюду кричат, что это опасно. Жером смотрит на звезды, на крыши, на затухающее мерцание города, на редкие высотные здания, что вырисовываются вдали, и вздыхает от красоты картины.

– Как подумаю, что однажды все это будет моим…

– Что – все?

– Весь Париж. Его золото, его женщины – все будет принадлежать мне.

– Отличная штука эта водка. Быстро бьет в голову, но все равно хорошо.

– Я стану так силен, что американцы будут зазывать меня к себе, а французы – умолять остаться.

Я уже немного знаю Жерома, он не в первый раз заводит при мне эту песню.

– Все четыре миллиона долларов покоя не дают? Я бы от этого тоже спятил. Ведь таких сумм не бывает. Четыре миллиона долларов! Даже вообразить не удается. Четыре миллиона долларов… даже если десятки раз видел в кино чемоданчики с кучей бабок, все равно не понять, что это такое. Четыре миллиона долларов! Это ведь не слова, а бальзам какой-то для горла. ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ. Так приятно звучит, что даже во франки переводить неохота.

Он спрашивает, что бы я сделал, если бы на меня такое свалилось, но у меня нет ни малейшего представления.

– Ты что, не сценарист?

– Насчет денег у меня с воображением слабовато.

– Попробуй выдумать историю про парня вроде тебя, которому вдруг привалило что-то вроде двадцати миллионов франков.

– Ну… он начнет делать все те глупости, которых никто не делает, но о чем все мечтают.

– Давай дальше.

Деньги и связанные с ними маленькие радости. Никогда об этом не думал. Как-то раз я накопил тысячу франков на подарок Шарлотте, но так и не нашел ничего незабываемого. Не зная, что ей подарить, битых два дня сочинял для нее хайку.

– Ну что, придумал?

– Он доверит свое тело полудюжине косметичек, чтобы они за восемь часов превратили его в маленькое чудо. Затем – поход по бутикам за супершикарными шмотками и к портным, на диво усердным, как только почуют запах денег.

Начнет с твидового костюма в стиле джентльмен-фермер и закончит смокингом, перед которым распахиваются все двери. Выйдя оттуда, отправится покупать маленький английский кабриолет, одну из тех дорогущих безделушек, которые постоянно ломаются, иначе говоря – свою заветную мечту. И начнется сказка. Он закажет себе роскошную девицу в агентстве эскорт-услуг, где предлагают только наилучший товар. Снимает Зеркальную галерею в Версале для изысканного ужина, потом они выпьют по бокалу шампанского на последнем этаже Эйфелевой башни, который целиком забронирован для них одних. И закончат ночь в самых прекрасных апартаментах отеля «Крийон».

– Пока всего миллион. А на следующее утро?

– На следующее утро он недоумевает, что это за девица в его постели, которой нужны только его бабки. Недоумевает, какого черта делает в этих апартаментах, где не осмеливается даже пепельницу испачкать. Увидев на себе свои вчерашние шмотки, недоумевает, почему стал похож на старую рекламу «Алка-Зельтцера». Правда, тачка у него никакого недоумения не вызывает – тут он просто уверен, что смешон в ней, как складская уборщица в боа из перьев. Итог? Он вспоминает, что мать заложила свою хиреющую галантерейную лавочку, и выписывает чек. Оплачивает отпуск на Сейшелах сестре, которая никогда не была в свадебном путешествии, потому что и свадьбы никакой у нее не было из-за отсутствия жениха. Потом у него состоится серьезный разговор с банкиром, и тот предложит ему сделать кое-какие инвестиции. Дескать, конъюнктура сейчас хороша для покупки облигаций «Сикав», замороженных на целых два года. Это сулит неплохие проценты. Но чувство безопасности ему внушает только недвижимость, и некий агент быстренько подыщет ему участок в сто десять квадратных метров в квартале, где земля как раз повышается в цене. Вот и все.

Жером опять наливает себе водки и вытягивается на диване.

– Да уж, увлекательно…

– Я ведь сказал, насчет денег у меня никакого воображения. А ты-то сам что бы сделал с четырьмя миллионами долларов?

– Это надо спросить у Мистера Мстителя. Он бы все пустил на осуществление своего неумолимого замысла – изничтожить всех, кто его обидел.

Я, признаться, испытывал некоторое восхищение перед Ивоном Совегрэном *(French Won-der-boy,* как его окрестили в «Variety»), пока Жером не рассказал мне, как этот прохвост украл у него самое дорогое, чем он владел. Данте Алигьери, великий сценарист Страшного суда, предназначил девятый, и последний, круг ада тем, кто предал доверие ближнего. Все собранные там крупные специалисты по ударам в спину, от Иуды до Брута, наверняка берегут тепленькое местечко и для Ивона Совегрэна. Но прежде чем раскаленное чрево земли поглотит его до конца времен, ему придется заплатить за свое вероломство в этом мире.

Сами того не заметив, мы с Жеромом увлеклись и устроили ночной мозговой штурм на тему: как прищучить мерзавца, выбить из него деньги и заставить возместить моральный ущерб? Меня это упражнение захватывает даже больше, чем «Сага».

Предстоит обойти много сценарных рифов: доказательств никаких нет, на стороне этого подонка Голливуд и министр культуры, а Жером пока не может вложить в дело ни гроша.

Глубокой ночью, не без помощи водки и перебрав кучу идей, одна вздорнее другой, мы в конце концов кое-что нащупали. Перевозбужденный Жером захотел разобрать свои заметки и оформить в виде синопсиса.

– Это у меня на добрую часть ночи, так что ложись на диване, если не хочешь возвращаться.

Я отклонил предложение и оставил братишек вдвоем.

Сегодня у меня появилось чувство, что «Сагу» понесло куда-то не туда. Хотя вроде бы не произошло ничего особенного, что нарушило бы ход наших будней. Похоже, я единственный заметил смену курса.

День начался довольно банально, мы собрались часам к восьми утра, чтобы исправить кое-какие мелочи в шестнадцатой и семнадцатой сериях. Уже час дня, братья Дюрьец уплетают свою пиццу, но мы с Матильдой предпочитаем пообедать в другом месте. «Хочу сменить обстановку», – говорит она, не осмеливаясь признаться, что от запаха клейкой моццареллы ее мутит. Старик пойти с нами отказывается. Матильда воспринимает это словно бы с облегчением, не понимаю почему.

В конце концов, я видел Матильду только в четырех стенах конторы, чаще всего уткнувшейся в свой экран, так что мне даже любопытно, на что она похожа в цивильном месте.

Она идет мелкими быстрыми шажками, как настоящая парижанка, и, не прерывая беседы, внимательно наблюдает за улицей. Сегодня на ней платье оттенка ржавчины, которое прекрасно сочетается с распущенными золотисто-каштановыми волосами, ниспадающими на плечи. Она сама выбрала ресторан, маленькое заведеньице, сохранившее некоторую изысканность, несмотря на треск электрического бильярда. Поскольку раньше мне никогда не доводилось обедать с дамой, сочиняющей любовные романы, стараюсь быть повнимательней в выборе блюд.

– Я так рада, что мы остались наедине.

Я в смущении делаю неопределенный жест, изображающий что-то среднее между «благодарю» и «я тоже».

– Мы можем перейти на «ты», Марко?

– Разумеется.

– Забавно называть тебя Марко. Так у меня звали главного героя в «Бессердечном». Удачливый повеса, эдакий «любовник латинос».

Вчера, прямо посреди работы, когда мы вносили последние штрихи в бурную сцену между Джонасом и Камиллой, разговор вдруг свернул на тему любовных отношений вообще. И Матильда заявила, что сейчас как раз «выздоравливает от любви». Бог свидетель, как мы пытались разузнать об этом побольше. Если учесть, какие диалоги и ситуации она нам выдает, когда речь заходит о делах сердечных или альковных, мне даже подумать страшно, на что она способна, если решила отдаться кому-то душой и телом.

– «Бессердечный»? Моей невесте понравится. Она такое обожает.

– Как ее зовут?

– Шарлотта.

– Просто прелесть: Марко и Шарлотта.

На этом пока и останавливаемся, ковыряя салаты. Ее тыканье звучит ужасно нарочито, словно она усиленно пытается разогреть наши отношения с риском показаться слишком торопливой. Но с какой целью?

– Где будешь сегодня ночью?

– Сегодня ночью?..

– Да, когда будут показывать пилотную серию.

– Так сегодня… двенадцатое?

– Очнитесь, Марко.

Ну да, это же сегодня, в четыре утра! Сам-то я слишком молод, чтобы помнить первый шаг человека по Луне, но все, кто был тогда достаточно взрослым, чтобы не спать, прекрасно помнят, где находились той ночью. А сегодня произойдет событие гораздо более важное для моего будущего, чем прилунение для будущего всего человечества. Ну да, сегодня ночью! Лишь мы вчетвером сможем непосредственно наблюдать этот поворот Истории, однако грядущие поколения будут с гордостью вспоминать показ первой серии «Саги», в четверг, 13 октября сего года, в три пятьдесят пять утра.

– Если чуточку повезет, нас будет больше четырех, я уверена, что и…

Она пытается закончить фразу, начатую столь оптимистично.

Кто же еще, кроме нас?

Дюжина томимых бессонницей, объединившихся в тайную секту, чтобы сеять смуту среди праведных сонь. Самоубийца, оставивший телевизор светиться, чтобы не уходить в полной темноте. Человек, перепутавший ночь и день; этот отхлебнет свой аперитив и глянет на экран поверх газеты. Пожилая дама, поджидающая своего шестнадцатилетнего внука, который слишком счастлив, чтобы торопиться домой. Какой-нибудь нервный тип, глядящий телевизор без звука, медсестры в ожидании родов. Женщина в слезах, с четырех часов дня ждущая звонка от своего мужа, угодившего в тюрягу в Куала-Лумпуре. Может, еще кто-нибудь, поди знай.

– Так где вы будете сегодня ночью?

Ее обращение на «вы» звучит гораздо естественнее и до странности интимнее.

– Скорее всего, дома, с Шарлоттой, еще не знаю. А вы?

– Наверное, у матери. Сколько я ей ни предлагала переписать на кассету, чтобы можно было посмотреть в более приличное время, она ни в какую. Ей, видите ли, любопытно оказаться перед телевизором в четыре утра. Заранее слышу, как она скажет: «Тебе хоть платят за это?» Даже когда я писала романы, она изводила меня этим вопросом, и я всегда отвечала «нет». Сегодня ночью отвечу «немножко».

Она улыбается. Она мне очень нравится. Нам приносят по ломтю жареного лосося. Она отодвигает на краешек тарелки масло с рубленой петрушкой.

– Послушайте, Марко, этот обед наедине мне понадобился, потому что хочу попросить вас кое о чем насчет той заповедной комнаты Френелей.

В некотором смысле меня это успокаивает. Если память мне не изменяет, ей поручили написать сцену.

– Я хотела бы показать это сегодня и остальным, но предпочитаю, чтобы сначала взглянули вы. По правде сказать, я всегда немного побаиваюсь реакции Луи. Он порой смотрит на меня так, будто я все делаю совершенно невпопад. И у меня впечатление, что Жером из-за моих находок относится ко мне как к целому пансиону благородных девиц в одном лице.

– А Жером думает, что вы его считаете помешанным на массовых убийствах. Одно другого стоит. Мы все вас очень ценим, Матильда. Давайте сюда, что вы там написали, и закажите пару кофе.

Нет ничего хуже – читать чью-то работу, когда ловят малейшее движение твоих ресниц, легчайшую улыбку. Тем более в бистро, во время обеденного перерыва, меж чьим-то пахучим хот-догом и гремящим бильярдом. Мне надо как следует сосредоточиться. Дипломатическая миссия величайшей важности! На мои столь юные плечи возложена забота о сплоченности коллектива! Мне позарез надо врубиться в этот текст, просто позарез!

Сцена 38

Гостиная Френелей. Павильон. День.

Мари Френель поспешно заталкивает в дорожную сумку кое-что из одежды. Рядом сидит Милдред.

Мари. Фред исчез три дня назад, а недавно позвонили из Лондона, из полицейского управления. Что с ним что-то не так, я заметила, когда он еще только собирался на свой конгресс.

Она хватает сумку, проверяет время вылета и надевает пальто.

Милдред. Хочешь, я попрошу брата разузнать?

Мари. Я не решалась тебя попросить… *(Целует ее в лоб.)* Скажешь Брюно и Камилле, что я им вечером позвоню. Главное – отвечай на телефонные звонки, это может оказаться Фред. И спасибо, никогда этого не забуду.

Она выходит.

Тишина.

Милдред опасливо выскальзывает в коридор и останавливается перед таинственной дверью, уже виденной в семнадцатом эпизоде второй серии. Прикладывает к ней ухо, но ничего не слышит. Пытается открыть, но та заперта на ключ. Она идет обратно в гостиную и возвращается со связкой ключей. Пробует их поочередно, но ни один не подходит. Она какое-то время изучает замочную скважину; потом исчезает и появляется снова; держа в руках три разных предмета: нож, одежную вешалку и льготный проездной билет в пластиковой оболочке.

– Льготный проездной билет?

– Мне сосед как-то вечером сумел открыть им дверь. Но кредитка вроде бы тоже годится.

Она подносит чашку кофе к губам с таким видом, будто уже витает где-то далеко. Хотя наверняка лишится чувств, стоит мне только фыркнуть.

Милдред вставляет билет в щель возле замка, потом просовывает лезвие ножа под язычок и одновременно нажимает. Щелчок; и дверь открывается.

Заповедная комната. Павильон. День.

Она ищет в полумраке выключатель, не встречая на своем пути никакой мебели. Нащупав настольную лампу, зажигает ее и использует как фонарь. Наконец находит выключатель. В комнате нет ничего, кроме кровати с тарелкой винограда посредине. Вдруг Милдред вскрикивает от ужаса.

В тени виднеется чье-то голое тело. Сидящее на корточках.

Она в панике пытается бежать, но неизвестное существо бросается к ней и захлопывает дверь. Милдред кричит, пытается вырваться, ищет другой выход, но не находит. После короткой борьбы забивается в угол комнаты.

Существо оказывается юношей лет шестнадцати-семнадцати. Он опять приседает на корточки, словно это для него самая естественная поза. Пристально смотрит на Милдред.

Она пытается взять себя в руки, несмотря на страх, который явно читается в ее глазах. Разглядывает юношу.

Тот на удивление красив – голубые глаза, белокурые, чуть вьющиеся волосы, белая кожа, поджарое тело. Но рычит и двигается, словно дикий зверь. Они продолжают переглядываться. Юноша кажется, скорее, удивленным и ничуть не агрессивным. Еще дрожа, Милдред осмеливается улыбнуться. Улыбка получается вымученной.

Милдред. Я не хотела… вас потревожить… Просто суюсь везде из любопытства, но тут же все забываю… Вы… не могли бы меня выпустить?..

Вдруг юноша застывает. Его неподвижность настолько невероятна, что становится не по себе.

Милдред. Меня зовут Милдред… А вас?

Никакого ответа.

Милдред. Клянусь, я никому ничего не скажу… Честное слово!.. Ну пожалуйста…

Она берется за дверную ручку. Он стремительно хватает ее за ногу, она с визгом отскакивает и бежит в другой угол комнаты.

Милдред. Не трогайте меня!

Юноша не обращает внимания на ее вопли. Бросается к кровати и хватает гроздь винограда. Звериная ловкость придает всему его облику странное изящество. Собственная нагота ничуть его не смущает. Он отщипывает одну-две виноградины. Милдред стоит, прижавшись спиной к стене. Он бросает ей гроздь. Она даже не пытается поймать.

Милдред. Вы по-ни-ма-е-те, что я вам го-во-рю?

Ни малейшей реакции. Она делает шаг к двери. Он рычит. Она отступает от двери подальше. И вдруг ошеломленно отводит глаза. По звуку за кадром становится понятно, что он мочится в раковину.

Милдред. Чего вам надо?.. Что вы тут делаете, взаперти? Вы на Френелей совсем не похожи… Они вас прячут? Держат пленником? Да скажите же что-нибудь!

Существо. Нибудь?..

Милдред. Ну да, что угодно!

Существо. Нибудь…

Милдред. На каком языке ты говоришь? О боже…

Существо. Боже?..

Милдред. Спик инглиш? Шпрехен зи дойч?

Существо. Нибудь…

Она безнадежно опускает руки.

Милдред. Вы только и можете повторять, как эхо?

Существо. Эхо?..

Она вздыхает.

Он улыбается.

Милдред. Похоже, вы незлой. Ноу меня слишком высокий интеллектуальный уровень… Намного выше, чем у нормального человека. Так что сами понимаете…

Он приближается и трогает рукой ногу Милдред. Она вжимается в стену, не зная, что делать.

Милдред. Дальше не надо… Не то сами испугаетесь…

Он обнюхивает ее ногу по-собачьи.

Милдред *(тяжело дыша)*. Вообще-то, я не такая уж и умная… *(Говорит торопливо, словно боясь пауз.)* Это все из-за медицинского недоразумения… В общем, если у меня и есть какое-то преимущество, то это из-за блуждающего нерва. Слыхали про блуждающий нерв? *(Он трется щекой о колено Милдред.)* Этот нерв замедляет биение сердца. Все думают, будто я очень зрелая, будто прекрасно могу обуздывать свои эмоции, но это все только благодаря моему нерву, он у меня необычайно активен. Раз вы стойко держитесь, все думают, будто вы сильны, а вот и нет! Когда я была маленькая, у меня от плача судороги случались, это такие…

Она вдруг умолкает и на мгновение закрывает глаза, когда юноша добирается до ее бедра.

Милдред. Вы вторгаетесь в девственную и неисследованную область… Все, кто на это отважился, погибли или сошли с ума. Ни один пока не уцелел…

Существо. Нибудь…

Он медленно приподнимает юбку. Становятся видны бедра, сплошь покрытые шрамами.

Милдред. Это еще пустяки, самое худшее впереди…

Он обвивает ее за талию и прижимает к себе. Она наслаждается этим безмолвным объятием.

Милдред *(с закрытыми глазами)*. Как тебя звать, эхо?

Я возвращаю Матильде листки, улыбаюсь ей и встаю, чтобы взять пальто.

– Думаю, подойдет.

* * *

С тех пор как мы приняли ее «существо», Матильда любой ценой пытается всучить нам историю о пропавшей принцессе, которую находят, но считают мертвой, хотя она на самом деле не мертвая, но, правда, и не совсем живая, в общем, поди разберись. Наша прелестная соавторша глядит на Жерома своими газельими глазами:

– Забыла, как это называется… такой сценарный приемчик… когда в конце серии вас нарочно интригуют, чтобы вы ждали продолжения.

– «Наживка».

– Вот именно! Мне нужна «наживка».

– Вы же сами знаете, Матильда, это не по вашей части. Позвольте, я займусь этим вместо вас, мне раз плюнуть. Я ведь не забыл, как вы меня выручили два дня назад с этими постельными откровениями. Мне бы до такого вовек не додуматься. Вам срочно?

– Да, эпизод с потерявшей память принцессой, которую обнаруживают на коврике у двери Каллаханов, надо закончить, показав ее без сознания.

– Так мертвой или без сознания?

– Без сознания, но зритель должен быть убежден, что она мертва. Только Камилла и Уолтер знают, что в ней еще теплится искорка жизни. Сможете мне придумать что-нибудь такое?

Молчание в строю. Мне даже параметры этой сценарной головоломки усвоить трудно. А чтобы завоевать уважение красотки, надо оказаться самым проворным из нас троих.

Молчание и опять молчание.

– Видели «Ищейку»?

Вскидываю голову, желая выяснить, кто это сказал, но голоса не узнаю.

– Фильм Манкевича, крутили в «Киноклубе».

Дружно смотрим в сторону дивана, на котором лежит Тристан. Он приподнимается ценой великих усилий. Парализованы сейчас мы. Он говорит, опустив голову, робко, неуверенно.

– Никогда о нем даже не слышала, – отвечает наконец Матильда.

– Один тип стреляет в упор в парня, которого ненавидит, потом наклоняется к телу, берет руку и щупает пульс. Довольно ухмыляется и отпускает руку. Та тяжело падает на землю. Безжизненно.

В этом неподвижном теле жизнь так и кипит. Бурлит, словно лава. Хоть он и глядит на нас исподлобья, как заговорщик, хоть и говорит как можно глуше, ему не унять клокочущий внутри вулкан.

– Когда смотришь фильм в первый раз, не сомневаешься, что убийца щупает парню пульс, чтобы удостовериться в его смерти. Хотя на самом деле он стрелял холостыми и лишь хотел полюбоваться, как тот грохнется в обморок со страху. Только во второй раз понимаешь, что он щупает пульс, проверяя, жив ли тот. Один и тот же жест означает совершенно противоположные вещи, смотря как его прочитать. Я понятно объяснил или повторить?

Молчание.

Матильда разряжает обстановку, отправив ему воздушный поцелуй кончиками пальцев.

– Потрясающе! Тристан, вы нам посланы самим Провидением. Вы же квадратура круга! Недостающее пятое колесо! Постоянная в уравнении!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.